ПРОСТОР

6 ≡1995

ISSN 0131 — 5587

К 100-летию Сергея Есенина: «Любовь хулигана» Воспоминания

Простые смертные

И стоять храму...

Письма И.О.Дунаевского

Приговор волчьей стаи

Амброз Бирс. Монах и дочь палача

Вера Королева

И стоять храму, и звонить колоколам

В 1904 году жители юго-западной части г. Верного, местности, которая в то время называлась Кучугуры, обратились с просьбой к епископу Туркестанскому и Ташкентскому Паисию разрешить приступить к изысканию средств и сбору пожертвований для постройки в этой части города церкви на так называемой Зубовской площади.

Епископ Паисий выразил свое согласие на строительство этой церкви, но при условии, чтобы выбранное для нее место было передано городом в Туркестанскую духовную консисторию.

Военный губернатор Семиреченской области дал распоряжение верненскому городскому голове передать этот вопрос на рассмотрение Городской думы, предложив со своей стороны отвести место на Зубовской площади под постройку Кучугурской церкви.

14 октября 1904 года Городская дума вынесла решение: отвести два квартала в центре Зубовской площади под строительство церкви*. Переписка об уточнении места на Зубовской площади под будущую церковь велась между строительным отделением Семиреченского областного правления и Городской управой в течение двух лет. Была создана специальная комиссия по выбору места под постройку церкви на Зубовской площади. Наконец, вопрос этот был решен, и 13 февраля 1906 года Андрей Павлович Зенков, исполнитель технических проектов и руководитель церковно-строительных работ г. Верного и других мест Туркестанской епархии, довел об этом до сведения вступившего в этом году на Туркестанскую кафедру преосвященного епископа Димитрия на случай освящения выбранного под постройку церкви места. В этом же году был создан специальный комитет по постройке нового трехпрестольного храма в местности Кучугуры, принявший впоследствии официальное название «Комитет по постройке Свято-Николаевской церкви на Зубовской площади»*.

* ЦГА РК, ф. 55, оп. 1, д. 22, л. 166.

* ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 50756, л.30.

Епископ Димитрий сочувственно отнесся к желанию православного населения западной части города и в своем послании военному губернатору Семиреченской области писал: «Выработанный комитетом проект храма, утвержденный Вашим Превосходительством, мною одобрен к исполнению. Успех осуществления его в настоящее время зависит от поступления пожертвований на постройку. Предпринявшее ее население составляет беднейшую часть города и, хотя оно обложило себя значительными по своему состоянию обязательными сборами на будущий храм, однако трудно рассчитывать, чтобы путем этих сборов в скором времени составилась достаточная для постройки сумма. Но, не имея достатка и возможности жертвовать деньгами, будущие прихожане, в понятном желании их иметь скорее свою церковь, готовы принять на себя всякие, возможные для них работы. Они в настоящее время согласились бесплатно доставить на место постройки бутовой и цокольный камень, кирпич и даже весь лесной материал, если последний будет отпущен из ближайших к городу лесных дач»*.

ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 50756, л. 24.

Строительные работы, начавшиеся в 1906 году, освещала издававшаяся в Верном газета «Туркестанские Епархиальные Ведомости»: «Дело постройки новой церкви (Николы зимнего), благодаря хорошему подбору энергичных членов комитета, идет успешно. Председатель комитета г. Корольков лично ездил в Петербург и привез 10 тыс. рублей на постройку этой церкви. Архитектор Сергей Константинович Тропаревский деятельно руководит работами»*. И уже в 1908 году «Новый храм, в местности Кучугуры в г. Верном, созданный по проекту архитектора С.К.Тропаревского, освящен 14 декабря 1908 года архиерейским служением. Настоятелем в этот храм назначен о. Александр Скальский»*, бывший до своего нового назначения настоятелем Александро-Мариинской церкви при детском приюте. И менее чем через месяц, 7 января 1909 года, Комитет по постройке Свято-Николаевской церкви сделал представление военному губернатору Семиреченской области: «Окончив вчерне построение деревянного храма во имя Св. Николая, Комитет имеет честь просить Ваше Превосходительство назначить лицо для освидетельствования храма и составления о том установленного акта». На этом представлении рукою А.П.Зенкова написано: «Уведомить, что сам приму участие. Зенков»*.

*«Туркестанские Епархиальные Ведомости», 1907, № 15.

*Там же, 1908, № 24.

*ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 50756, л. 30.

В то время в окрестности Верного, в горах, в небольшой деревянной келье, жил блаженный Илия

— -угольник, посвятивший свое одиночество молитве и богомыслию. Угольником он звался потому, что жег в горах осиновые угли, приносил их в город, продавал, покупал на вырученные деньги лепешки-тукачи и снова поднимался в горы. А блаженным его считали за то, что приходил он всегда черный от угольной пыли, обвешанный железными банками, которые гремели на нем, когда он с мешком углей шел по городским улицам. Но не столько за необычный вид считали Илию блаженным, сколько за то, что Илия, распяв себя миру, имел от Бога дар духом прозревать будущее. Верненцы ждали, когда спустится в город Илия, но часто и сами ходили к нему в келью, чтобы получить духовный совет, и, следуя его слову, убеждались впоследствии в том, что Илия — действительно человек Божий.

Когда архитектор Зенков разрабатывал гениальный проект туркестанского кафедрального собора, архиерей и губернатор города были озабочены предстоящими строительными работами, простой народ пошел к Илие-угольнику: «Отец Илия, мы хотим кафедральный собор строить в честь Вознесения Господня. Что вы скажете?» Илия, помолчал, подумал и спросил:

— Где вы хотите строить?

— В Пушкинском парке.

Снова Илия подумал и сказал:

— Стройте. Он и Богу послужит и сатане будет служить.

И опять, когда выбиралось место и изыскивались средства на постройку храма Николы зимнего, народ пошел к Илие услышать, что скажет Илия на этот раз.

— Отец Илия, мы хотим строить церковь Святителю Николаю. Что вы скажете?

— А где хотите строить?

— На Кучугурах, на Зубовской площади.

И снова подумал Илия и сказал:

— Стройте! Эта до конца будет стоять!

Храм, построенный на Зубовской площади, нельзя назвать грандиозным или великолепным. Кораблеобразной формы, семиглавый, с высокими сводами и колокольней, с лазурными куполами, внутри весь залитый южным солнцем, он гармоничен и красив в неуловимом переходе от изящества к величию, храм Николы Зимнего, взметнувшийся в низовье Заилийских гор, в городе с прямыми улицами и пирамидальными тополями.

Отрезанные от корней своей родины многими тысячами верст, русские православные семиреченцы были в то время лишены возможности непосредственно питаться от обильных живоносных источников святынь старых русских городов. Но, сохраняя в чистоте и неповрежденности православную веру и унаследовав от отцов своих благочестие, передавали его и своему потомству, никогда не видевшему святорусской Владимирской Руси. И Господь, видя благочестие русских туркестанцев, не оставлял их своими щедротами, питая непосредственно дух их и радуя нередко сердца их знамениями особой милости Своей. Так, в разных городах и весях Туркестана благоугодно было Промыслителю прославить явными чудесами святые иконы Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и других угодников Божиих, мучеников, святителей и преподобных. В 1900 году, когда в Александро-Мариинскую приютскую церковь настоятелем был назначен священник Александр Скальский, в г. Верный был перенесен обычай юго-западной Руси — установление кроме престольных дней особо чтимых праздников или чествования святых икон, так называемых отпустов и паломничества к чтимым иконам.

Жители местности Кучугур, где располагался детский приют, охотно отозвались на приглашение о. Александра сделать день памяти народного врача, святого Великомученика Пантелеимона, днем особого торжественного празднования. Усердием о. Александра начинают устраиваться паломничества в приютскую церковь жителей окрестных и отдаленных деревень на торжество чествования иконы целителя Пантелеимона, находящейся в приютской церкви. С построением на Кучугурах нового трехпрестольного храма Святителя Николая, освящения в нем северного придела в честь великомученицы Варвары и мученицы Александры, а южного — в честь великомученика Пантелеимона, и с переводом во вновь выстроенную церковь о. Александра, туда же было перенесено и установленное в приюте празднование, на которое приглашалось для торжественной службы верненское духовенство. 12 ноября 1909 года прихожане и староста Николаевской церкви обратились к преосвященному Димитрию с соответствующим приговором прихожан об оказании архипастырем содействия к приобретению для церкви частицы святых мощей великомученика и целителя Пантелеимона. Преосвященный владыка весьма сочувственно отнесся к желанию прихожан и 17 февраля 1910 года обратился с просьбой к настоятелю Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря, в которой говорилось, что православным верненцам желалось бы иметь в залог постоянного и близкого пребывания с ними благоговейно чтимого ими угодника частицу Его святых мощей. «Поэтому,— писал Владыка,— обращаюсь к Вам с мольбой, Всечестный Отец Архимандрит, благословить нас самой небольшой, лишь едва заметной частицей честных мощей св. великомученика Пантелеимона, осчастливить этим святым даром наш град, дать возможность Вашим же сородичам, русским православным простым людям, живущим среди двух океанов — магометанского и языческо-китайского, освежить, оживить свои религиозные чувства прикосновением к величайшей для нас святыне... Нужно ли говорить, с какой благодарностью примем мы Ваш дар и с каким торжеством встретим его». Настоятель названного монастыря с живым участием откликнулся на письмо преосвященного Димитрия и в свою очередь сообщил, что:

«Мы с любовью спешим удовлетворить Ваше желание и посылаем через одного из собратий наших в г. Одессу, на подворье, для Вашего града и паствы частицы честных мощей следующих угодников Божиих: 1) Св. великомученика и целителя Пантелеимона, 2) святителя Григория Богослова, 3) Св. Нифонта патриарха царьградского (11 августа). Посему благоволите послать доверенное лицо в г. Одессу получить от заведующего подворьем нашего монастыря святые мощи».

Ко времени прибытия святых мощей в Одессу туда был командирован диакон Николаевской церкви о. Стефан Пономарев. Жители Верного с глубоким благоговением ожидали редкой святыни в своем городе. В Николаевской церкви шли приготовления к предстоящему торжеству: в нижнем помещении церкви готовились обширные столовые, на церковной площади были приготовлены палатки для служения молебна и бараки для паломников. Улица, по которой имел следовать крестный ход, была украшена флагами, весь город принял празд-

ничный вид, 27 июля была закрыта торговля. Военным губернатором было сделано распоряжение: вывести к Иверско-Серафимовской женской обители для встречи святыни представителей от всех частей гарнизона в парадной форме с оружием, сводному отряду прибыть к обители с музыкой и следовать за святыней, казакам быть в конном строю.

За три дня до праздника стали собираться паломники из окрестных деревень и накануне дня чествования почти вся площадь вокруг храма была занята расположившимися здесь богомольцами. Почти все население Верного вышло навстречу. В Николаевской церкви в 6 часов вечера 26 июля началось всенощное бдение, в 12 часов ночи благовест возвестил о начале молебного пения и чтения акафиста. В 3 часа утра от Николаевской церкви вышел крестный ход, направляющийся по Ташкентской дороге к святым мощам. К этому времени из станицы Каскеленской по направлению к Верному шел со святыней крестный ход, сопровождаемый тысячной массой народа. Встреча произошла в 10 верстах от Верного, все преклонили колени, духовенство сделало пред святыней три земных поклона, и затем о. Александр Скальский принял св. мощи и переложил их в изготовленный усилием горожан ковчег. Между тем возле женской обители готовилась торжественная встреча.

Прибыли войска, военный губернатор, духовенство. В восемь часов 30 минут изволил прибыть преосвященный владыка Димитрий. При приближении св. мощей владыка с духовенством вышел навстречу, сделал земной поклон святыне и принял их от о. Александра. Владыка, прочитав молитву св. великомученику, поднял над головой ковчег и вошел под приготовленный в виде изящной часовни балдахин, несомый хоругвеносцами. Войска длинной цепью охраняли святыню и духовенство от возможной при огромной массе народа давки. За святыней следовал губернатор и представители учреждений, далее шел хор музыки и войска. Военный хор всю дорогу исполнял: «Коль славен» — картина была чудная, божественная. В 11 часов крестный ход прибыл в Николаевский храм. Владыка вошел в алтарь и на святом престоле поставил ковчег со святыней. Началась божественная литургия, после которой его преосвященство, подняв св. мощи, крестным ходом проследовал вокруг церкви на церковную площадь, где совершил молебен с водоосвящением, прочитал акафист и затем со святыней возвратился в церковь. Великая священная радость отражалась на лицах всех присутствующих и наполняла сердца верующих высоким чувством умиления. «Нынешний день,— говорил в благодарственом слове староста Николаевской церкви,— навсегда останется в памяти нашего прихода. Нам кажется, что ныне вся вселенная разделяет наше торжество и воздает хвалу величию Божию».*

*«Туркестанские Епархиальные Ведомости», 1910.

Городские хроники не оставили свидетельств о том, как проходили в Николаевской церкви празднования дня святителя и чудотворца Николая. Но из воспоминаний старожилов известно, что главный престольный праздник храма праздновался также торжественно и многолюдно. За несколько дней до праздника из близлежащих станиц и селений целыми семьями, на повозках и пешими группами, с посохами в руках и котомками, стекались в Николаевскую церковь православные семиреченцы, полагая земной поклон перед образом святителя Николая.

Вдоль западной и северной сторон церковной ограды стояли каменные столбы с железными кольцами, к которым паломники привязывали лошадей, а сами в эти дни располагались в обширных помещениях под церковью и на церковной площади под открытым небом. Под деревьями была уложена скошенная для ночлега трава, в больших котлах готовили кашу и кипятили чай в чугунных кубах. И в эти дни не прекращалась молитва и акафистное пение собравшихся богомольцев. На богослужение приезжал архиерей, собиралось городское духовенство, приходили певчие верненских церквей. После литургии на площади служился молебен, крестным ходом обходили храм, служа на каждой стороне литию с окроплением, и весь город славил угодника Божия святителя Николая.

В городе к тому времени существовало 16 церквей, несколько часовен и женский Иверско-Серафимовский монастырь. В недолгое время Николаевская церковь стала одной из наиболее посещаемых церквей Верного. Хроники тех лет свидетельствовали: «Кучугурский храм выделяется среди многих приходских храмов Верного не только своей внешней красотой, напоминающей наилучшую пору зодчества, но и своей внутренней жизнью. Богомольцев там стекается так много, как нигде, а если усердие их будет стоять всегда на той же высоте, то этот храм скоро придется расширить».

В 1916 году произошли значительные перемены в жизни Туркестанской епархии. 16 декабря находившимся в то время на Туркестанской кафедре епископом Иннокентием (Пустынским) кафедра из Верного была перенесена в Ташкент, в Верном же учреждено викариатство.

В октябре 1917 года, совершив длительный путь из Ирана в Семиречье, в Верный, на новую Верненско-Семиреченскую кафедру прибыл преосвященный Пимен (Белоликов), бывший епископ Салмасский. Молодой 37-летний Владыка, кандидат Киевской академии, православный публицист, прекрасно знавший тюркские наречия, имел многолетний опыт миссионерского служения на Востоке. Им окормлялись находившиеся в Персии казачьи войска. Все это было немаловажным для его нового служения в православном оазисе на китайской границе. Прибыв в Верный за две недели до Октябрьской революции, свой талант проповедника и организатора церковного дела владыка Пимен отдал на защиту православной церкви. Он много и вдохновенно служил в верненских храмах, неустанно проповедовал с церковного амвона, его беседы в Доме религиозно-нравственного просвещения собирали множество народа. Вслед за патриархом Тихоном и своим духовным наставником Пермским епископом Андроником, епископ Пимен разоблачал демагогию и казуистику большевистских воззваний, призывал к противостоянию безбожной власти. Впоследствии его проповеди были охарактеризованы Павлом Виноградовым как «контрреволюционные речи с амвона». Откровенная позиция преосвященного Пимена обрекла его на мученическую смерть. В конце лета — начале осени 1918 года он был тайно убит по приказу исполнительного комитета верненского РСДРП(б).

С момента гибели епископа Пимена, вплоть до 1927 года, Алмаатинская кафедра оставалась пустующей. Назначенные на нее в 1919 году епископ Софроний (Арефьев) и в 1921 году епископ Леонид (Скобеев), так и не доехали до места своего назначения. Первый предпочел ей Якутскую кафедру, а

второй, промедлив до 1922 года,— обновленческий раскол.

Во время, последовавшее за октябрьским переворотом 1917 года, в первую очередь в Верном были закрыты церкви, имеющие прямое отношение к народному образованию и воспитанию. Это мужская гимназическая церковь равноапостольных Кирилла и Мефодия, женская — святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии, приютская — Александро-Мариинская, тюремная церковь апостолов Петра и Павла. Осенью 1919 года был закрыт Верненский Иверско-Серафимовский женский монастырь, насельницы которого разбрелись по городу и его окрестностям в поисках жилья и случайного заработка для своего пропитания. Четверо из них — монахини Евфалия, Дорофея, инокини Феодора и Мариамна и с ними пятая, девочка сирота Анастасия Нагибина — племянница инокини Феодоры, сняли для себя небольшую комнату в одном из частных домов, находившемся неподалеку от Зубовской площади, и ежедневно приходили в Николаевскую церковь, принося там свои молитвы Богу и его угоднику. Настоятель церкви о. Александр, видя бедственное положение сестер и зная, что на работу монастырских не принимают, стал угова́ривать их поселиться в церкви:

— Что вы будете ходить по квартирам? Перебирайтесь ко мне в церковь, там всем места хватит!— И Великим постом 1927 года сестры перешли жить в церковь, где поселились в нижнем полуподвальном помещении. Кроме них о. Александр приютил еще восьмерых монахинь, но последние постепенно разъехались по своим родственникам, лишь эти четверо да Анастасия оставались там, не ища для себя иного пристанища.

В церкви они пели на клиросе, пекли просфоры, продавали свечи, делали уборку,— словом вновь зажили, как в монастыре, и почти по монастырскому уставу. И духовником этого небольшого сестричества был второй священник Николаевской церкви, близкий и искренний друг о. Александра, протоиерей Стефан Пономарев.

Дальнейшее повествование об этих пастырях стада Христова, исповедниках святого православия составлено на основании документов госархивов, архива КНБ Республики Казахстан и воспоминаний Анастасии Нагибиной, тогда — подростка, а сейчас убеленной сединами старицы, чья память сохранила для нас события тех отдаленных дней, когда... «сидящий на облаке поверг серп свой на землю» и связаны были плевелы для сожжения, а плоды зрелые в житницу Господню для жизни вечной.

В дореволюционных хрониках, освещавших жизнь Туркестанской епархии, имя протоирея Александра Скальского можно встретить довольно часто. Но на их основании нельзя составить его биографии, можно лишь сделать вывод о нем, как об активном и разносторонне деятельном священнике г. Верного. Его проповеди звучат в Туркестанском кафедральном соборе, он совершает с народом крестные ходы и паломничества к местным святыням, принимает участие в деятельности общества трезвости при архиерейской церкви, на пастырских собраниях выступает с докладами о деятельности сектантов. И, наверное, ни одно духовное торжество, ни одно начинание не обходилось без участия в нем неутомимого о. Александра*. Послереволюционные газеты называют его священником-народолюбцем, когда в первый день праздника Пасхи 1918 года, сопровождая епископа Пимена, он посещает с ним раненых бойцов из революционных частей, подавлявших контрреволюционный казачий мятеж 1918 года в г. Верном. Цель посещения — прекращение братоубийств и революционной смуты*.

*«Туркестанские Епархиальные Ведомости», 1908. №№ 15, 16, 18, 23, 24.

*Газета «Заря свободы», 9.5.1918.

На одной из фотографий тех лет о. Александр запечатлен со многими священными наградами, в сохранившихся же документах есть лишь указ о награждении его в 1911 г. за заслуги по духовному ведомству наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым*.

*«Церковные ведомости», 1911, №№ 19, 20.

Будучи настоятелем приютской церкви, о. Александр вместе со своими питомцами насадил напротив приюта парк, который частично сохранился до сегодняшнего дня. Мальчик с девочкой сажали свое дерево и вместе ухаживали за ним. После закрытия приюта и расселения по коммунам его воспитанников новые хозяева решили сократить и расчистить парк, вырубая взращенные детскими руками насаждения. И о. Александр, видя свежесрубленные деревья, вздыхал: «Как жаль! Ведь это дерево Саша с Машей садили!»

В здании приюта разместили медицинское училище, с Александро-Мариинской церкви снесли купола, покрыв ее покатой крышей, но долго, до 40-х годов, над левым входом в бывший храм бывшего города Верного оставалась сделанная крупными буквами надпись: «Боже, Царя храни».

Анастасия Нагибина вспоминает:«О.Александр много времени проводил в Николаевской церкви. И в церкви и в церковном дворе не было ни одного уголка, где бы не чувствовалась его по-хозяйски добрая рука. Церковный двор, огороженный высокой оградой, занимал всю Зубовскую площадь и был обширен по своей территории. О. Александр очень любил цветы, и вся церковь была в цветах и весь двор — три большие аллеи, были засажены всевозможными цветами и деревьями. О. Александр научил меня звонить в колокола. Перед началом службы я взбиралась на колокольню и ждала его прихода. Подходит он к церкви — значит время начала богослужения и пора в колокола звонить. Но поскольку весь двор зарос деревьями выше роста человеческого, мне не видно было, как подходил к церкви батюшка. Тогда он стал снимать с головы шляпу, надевал ее на палку и поднимал высоко над головой. Я смотрю с колокольни — над деревьями шляпа поплыла — и начинаю благовест.

О. Александр служил, в основном, по воскресным и праздничным дням. Все остальное время ходил в дома обездоленных, больных и морально опустившихся людей. Он болел за всех, и если узнает, что у кого-то несчастье, он пойдет, утешит. Он был очень милостивый, внимательный, его все вдовушки знали, и он знал всех сирот, которые в городе есть. Он очень любил торжество, любил, чтобы стройно и полнозвучно пел хор, чтобы чтец читал громко и внятно, чтобы в церкви было много света, и сам он всегда был радостным, веселым, громкоголосым. И когда он делал возглас, голос его, звучный и сильный, летел по всему храму.

— Это же у престола Господня!— говорил он.— Это же Богу служить! Богу! Богу! Надо, чтобы люди радовались, чтобы все были веселы! Надо так служить, чтобы и сам воздух звенел!

О. Стефан был совершенно иным. Задумчив и молчалив, он всегда был погружен в молитву. Жил он как строгий монах и служил ежедневно, не пропуская ни одного богослужения.

— Боже упаси,— говорил он,— службу пропустить.

И службы его были тихими, строгими и неторопливыми, всегда проникновенными и благоговейными. Я помню одну литургию: все шло своим чередом, мы пропели «Верую...», диакон возгласил: «Станем добре, станем со страхом...», далее пропели «Милость мира...» и ждем из алтаря возглас о. Стефана. В алтаре тишина. Мы снова пропели и снова тихо, молчит батюшка. А через приоткрытую алтарную дверь видим: стоит о. Стефан у престола и поднимает и опускает над чашей воздух, и слезы льются у него по щекам. Мы поем «Милость мира», а батюшка воздухом машет и плачет. Не помню, сколько раз мы пропели этот запев, но вот, батюшка покрыл воздухом чашу, вытер рукою лицо, к стене прислонился. И через несколько мгновений возгласил: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами».

Мать Дорофея после литургии задала ему вопрос:

— Что это вы, батюшка? Вы иногда быстро воздухом чашу покрываете, а сегодня мы пели-пели, уже счет потеряли, а вы все стоите и машете?

— Ах, мать, мать! Видимо согрешил я, и Господь Духа Святаго не посылал. А раз Дух Святой не сошел в чашу, я не имел права причащать, Духа Святаго в чаше нет. Вот я и плакал и просил».

Об о. Стефане, кроме того, что он был урожденным семиреченцем, известно, что свое служение он начинал в должности псаломщика в церкви села Михайловского. В 1907 году в Крестовой церкви архиерейского дома псаломщик Стефан Пономарев был посвящен в стихарь, в 1908 г. переведен в церковь села Зайцевского (ныне Чилик) и в 1909 году в сане диакона начал свое служение в Николаевской церкви г. Верного. Даты посвящения его

*«Туркестанские Епархиальные Ведомости», 1907. №3; 1908. №22, 1909. №4.

в сан иерея не сохранилось, но в документах архива КНБ упоминается, что с 1914 года по 1917 год о. Стефан Пономарев был священником Красного Креста в полевом военном госпитале.

А.Нагибина: «В первую мировую войну, во время боевых действий, о. Стефан долгое время просидел в окопах. Была весна, шел дождь и мокрый снег, наполняя окопы водой и грязью. Из окопов батюшку вытащили едва живого, доставили в госпиталь, прооперировали и удалили сгнившие от хронического гайморита носовые хрящи, отчего у о. Стефана ввалилась переносица.

Рассказывали, что прежде о. Стефан был очень гордым. Вернувшись с фронта, он сказал:«Бог шельму метит. Вот и меня Господь пометил и присмирил». С того времени о. Стефан страдал от головной боли. Особенно тяжело ему приходилось зимой, когда стояли морозы и в Николаевской церкви при богослужении покрывалась инеем металлическая богослужебная утварь. В подвале храма, под приделом целителя Пантелеимона, стояли две русские печи, но их тепла было недостаточно для обширного храма. И в зимнее время служили в Пантелеимоновском приделе, потому что в нем от печей прогревался пол. О. Стефан во избежание простуды покрывал голову шерстяным шарфом. «Хотя священникам и не полагается, — говорил он,

Александр Скальский и Стефан Пономарев

— но у меня тяжкие боли, что я вынужден шарфом закрывать голову. Когда закрыта голова, у меня боль немного утихает».

Помню, с о. Александром мы не раз спускались по винтовой лестнице в подвальное помещение под Варваринским приделом. В левой руке он держал палку, правой опирался на мое плечо. На потолке подвала была наклеена большая бумажная картина, изображающая Успение Матери Божией. О. Александр опускался на колени, ставил меня рядом с собой и начинал молиться: «Царица Небесная! Как же я хочу, чтобы здесь была маленькая церковочка и чтобы маленький был алтарь в честь Успения Твоего! И чтобы тепло было, чтобы люди приходили молиться и не мерзли. Но как это сделать? Не сплю, думаю, как? Матерь Божия, где средства взять? Надо же и пол настилать, и перекрытия возводить, и печь надо поставить. И разрешение на это надо у кого-то просить». Потом положит земной поклон, еще раз попросит: «Матерь Божия! Вся моя мечта — вот тут, только до этих вот колонн, маленькую церковь, чтобы служить в ней в самые морозы». Потом постоит, подумает и скажет: «А может, Царица Небесная сама все устроит, что со временем здесь будет храм в честь Ее Успения».

О. Александр был женат, но семейная жизнь его не сложилась. Жена оставила его, детей он не имел и жил один в одной из комнат при Николаевском храме. О. Стефан был также бездетный, хотя имел жену Парасковью Кузьминичну, которая беззаветно любила его, но побаивалась за его строгость. О. Стефан, видя, что трудно о. Александру жить одному, стал уговаривать поселиться в его доме:

— Чего ты будешь жить один? Переходи к нам.

— Да как матушка, Парасковья Кузьминична?

— Ах, да матушка только рада будет!

— Да я только рада буду, о. Александр!

И стали они жить втроем в доме о. Стефана. У о. Стефана небольшая комната, рядом такая же комната о. Александра. У о. Стефана стол, табурет и кровать, заправленная солдатским сукном, и у о. Александра. У о. Александра в уголке иконы, на стенах фотографии архиереев, у о. Стефана ничего не было кроме икон. Матушка Парасковья Кузьминична жила в нижней части дома и своими заботами, как могла, облегчала их повседневный быт.

В то время питались очень скудно, а постом и вовсе еле ноги волочили. И службы, и требы — все лежало на плечах о. Александра и о. Стефана. Зайдут, бывало, к сестрам в келью: «Матушки, дайте стакан воды и хлеба». Матушки дадут, они посолят,

поедят и так до вечера. О. Александр был строгий постник, меня это очень удивляло, и я допытывалась: «Батюшка, почему вы рыбу не едите? Монахи — и те едят, и архиереи едят, а вы почему не едите?» И так я докучала ему, что однажды он сказал: «Ладно, раз тебе так нужно знать, то расскажу. Когда я учился в семинарии, любил ходить на речку и ловить рыбу на удочку. Наловлю ведерко рыбы, принесу на семинарскую кухню, повар ухи наварит. Были у меня два хороших приятеля, я их позову: «Пойдемте ушицу есть!»— и наедимся с ними свежей рыбы. И вот однажды выдернул я из воды рыбу, удилище так подтянул, что рыба против уха оказалась. Я ее с крючка снимаю и вдруг слышу, как рыба эта тоненьким-тоненьким голосочком говорит: «Пусти-и-и!» И так мне стало страшно! Быстро снял я рыбу с крючка и бросил в воду. А потом думаю: «Никогда я не слышал, чтобы рыба и разговаривала! Да еще говорит — пусти!» Посмотрел на ведро и все, что поймал, тоже бросил в реку и сказал: «Господи! Все, что живое, никогда в рот не возьму! Ни мяса, ни рыбы, ни какую-нибудь птицу, никогда! Только то буду есть, в чем нет дыхания». Вот с тех пор я и не ем рыбу».

В конце 20-х и в 30-е годы в Алма-Ате был пересыльный пункт ГПУ, куда отправляли заключенных со всей страны. Кого этапом гнали по степям, кого в поездах привозили. Если по степи гнали летом, многие погибали от жары, зимой — от холода. Обмороженных и чуть живых, их пригоняли на станцию Алма-Ата 1. Затем заключенные получали через ГПУ распределение в лагеря, а ссыльные должны были сами являться в ГПУ за направлением и определением места ссылки. Начальником ГПУ в то время был Иванов. Мать у него была верующей, и, когда Иванов был ребенком, мать часто водила его в церковь и в монастырь. Поэтому он хорошо знал наших матушек и неплохо к ним относился. И вот этот мальчик подрос, стал комсомольцем, а потом начальником ГПУ. Ссыльные являлись в ГПУ и несколько дней ждали направления. Но людям надо где-то жить. Гостиницы для них не было, на квартиры их не берут, боятся. Куда идти? В церковь. А ночевать где? У нас. И начальник ГПУ посылает: «Вы идите прямо по улице Мещанской, там Николаевская церковь стоит, а внизу монашки живут, они всех принимают. Так вы скажите, что вас начальник ГПУ Иванов прислал». И они приходили:

— Где тут монашки живут?

— Здесь, а что такое?

— Нас Иванов прислал к вам ночевать.

— Ну, проходите, раз Иванов прислал.

И епископы приходили, и священники. Но наши сестры больше уделяли внимания монахиням. Помню, были у нас сестры брянские, сестры севские, касимовские, из Дивеевского монастыря были монахини. О. Александр всех принимал: «Да идите, всем места хватит!» Он очень любил монахов и всегда говорил: «Я так их люблю! И монахов и монахинь!» Ни одна церковь так не принимала, как наша. Устраивали всех в подвале, где печь стояла русская. О. Александр говорил: «Матушки, если жить негде, то хоть в подвале у нас. Сейчас сухо, можно и там переночевать». Приходили они голодные, измученные. Матушки никому не отказывали, всех кормили, всех! И не было ни одной ночи, чтобы мы одни без ссыльных ночевали, а только все варили, принимали, вшей обирали, и обстирывали. Так вот Бог дал жить. Жили очень скудно, доходы у церкви были небольшие, но о. Александр всегда наделял нуждающихся, и матушкам, давая деньги, говорил: «Вы присматривайтесь, спрашивайте, может, кому из ссыльных обувку надо или одежинку. Это лишние у нас деньги, отдавайте, нам хватит, а там — что Господь пошлет».

Помню, однажды приехали три монаха, старые!— о. Мисаил, о. Анания и о. Назарий. Сестры спрашивают:

— Батюшки, может, вам на печке постелить?

— А разве можно?

— Да, пожалуйста, что нам?

Печка высокая, едва подсадили один другого. Сидят на печке, молятся, один говорит: «Матерь Божия! На печку попали! Отец Мисаил, да разве мы думали на русской печке спать? Вот ведь как Господь привел! Хоть косточки свои погреем».

Мать Феодора всегда говорила: «Бог милует своих».

В один год свирепствовал тиф, но и тогда сестры всех принимали, и ни одна из нас не заболела. А в 30-м, кажется, году много ссыльных умирало от дизентерии. Летом жара была страшная, пить хочется, напьются из арыка, потом в церковь приползут. Даже в коридор не могли зайти, а где-нибудь под деревом свалятся. К нам придут, скажут: «У вас человек умирает». Сестры шли, сообщали в милицию. Милиция приезжала, человека клали на телегу, увозили, и это все. Иногда нам сообщали, что такой-то умер в больнице.

В последнее время о. Александр стал бояться ГПУшников и, когда его звали тайно отпеть или покрестить на дому, он шел, но брал с собой меня. Я бегу за ним, несу узелок с епитрахилью и кадилом. «Ты примечай,— говорил он,— куда мы идем, а то меня арестуют, затолкают куда-нибудь, и никто не будет знать, где я. А ты побежишь и скажешь». У него стало отказывать сердце, и он заставлял меня ладонью бить его в грудь.

— Батюшка, вам же больно!

— Сильнее бей, тогда сердце начинает работать.

А однажды он поднялся на колокольню и говорит: «Настя, ты видишь, за Головным арыком — горочка?— и показал рукой в предгорье, что начиналось за окраиной города,— слева горка и справа, а вон горочка посередине.

— Ну вижу, батюшка.

— Я не хочу лежать на городском кладбище, вы меня на этой горочке похороните. Я хочу, чтобы меня схоронили вверху, выше Головного арыка.

Между сестрами шел разговор: «Как хоронить на той горочке, когда там кладбища нет?» О. Александр просил:

— Пойдите, договоритесь, может, мы выкупим это место.

— Батюшка, мы же монахини, кто нас будет слушать?

А один раз, когда мы снова были на колокольне, он даже заплакал:

«Как я не хочу на эти кладбища, почему — не знаю». А потом постоял, подумал и говорит: «А может быть, Господь все так устроит, что к тому времени там будут хоронить, и я как раз попаду на это место».

В 1923 году нападки прессы и преследования ЧК вынудили архиепископа Иннокентия (Пустынского) покинуть Ташкент и выехать в Москву. На туркестанскую кафедру заступил епископ Николай (Федотов). В том же 1923 году епископ Николай, перейдя в обновленческий раскол, назначил упол-

номоченным ВЦУ в Семиречье священника Матфея Шевченко (Долиндо). 3 августа 1923 года в Кафедральном соборе Алма-Аты священник Матфей Шевченко (Долиндо) созвал собрание городского духовенства, на котором был избран «епископом Семиреченским» вдовый протоиерей Ташкентского кафедрального Собора Алексий Марков, наименованный впоследствии «епископом Джетысуйским». Центром деятельности обновленцев Семиречья становится Вознесенский кафедральный собор.

Отсутствие в Семиречье архиерея, держащего строго православную линию, активные действия обновленцев, давление большевистской власти, поддерживавшей раскольников, расправы над духовенством и массовые убийства мирян вызвали в епархии настроения, доведенные до степени анархии, и смятение в душах пастырей и пасомых.

Население Алма-Аты в большинстве своем не принимало ни самих обновленцев, ни их новшеств. Местная пресса констатировала: «Алмаатинские миряне настроены враждебно ко Всероссийскому Церковному Управлению и прогрессивному духовенству»*. Храмы по решению властей передавались

*Газета «Джетысуйская искра», 1923. № 56.

ВЦУ вне желания прихожан.

Деятельность «епископа» Алексия (Маркова), возведенного в 1924 году в сан «архиепископа» за «...выдающиеся труды по устроению церковной жизни в епархии и восстановлении в ней порядка»*

*Журнал «Церковное обновление», 1924. № 2.

и дальнейшие усилия в укреплении обновленческого блока стараниями союзников и преемников по незаконной кафедре в результате привели к тому, что Семиречье почти целиком стало обновленческим. На сторону обновленцев перешел весь клир Вознесенского кафедрального собора, в том числе, такие авторитетные и почитаемые в городе священники, как настоятель собора митрофорный протоиерей Алексий Шавров, протоиереи Гавриил Тихонравов, Виктор Поливанов и прочие.

Сохранилось письмо того времени к протоиерею Гавриилу Тихонравову от его духовной дочери:

Алма-Ата
18 ноября 1926 г.

Как Вы до сего времени не хотите понять, что пора прекратить всякие междоусобия в церкви? Раздор епископов ведет к раздору священников, раздор священников — к полнейшему отказу от церкви мирян.

...Приезд епископа Алексия... внес вражду... Не раз слышала, как епископ Алексий забрасывал грязью епископа Константина*. Разве это достойно

*Обновленческий епископ Константин Крошевич служил в Алма-Ате в 1926 г.

епископа? Последовательности, логики в его речах нет, его поучения не дают ничего кроме скуки. Богослужения его — один парад. Он любит почет и уважение, но народ его не любит. И если в Соборе бывает много молящихся, то это только в силу привычки и потому, что Собор наш сам по себе — красота и к тому же хороший хор. Вот все, что влечет к себе народ, но только не епископ Алексий...

Вы пользуетесь большим авторитетом в своей среде. Я хочу, чтобы вы сами, а за вами все духовенство признали, что распри раздирают Церковь, озлобляют верующих, настраивают их одного против другого. Не вы ли должны потушить это пламя — зажженное Вами? Больно, очень больно писать своему духовному пастырю подобное письмо. Так будьте достойны имени пастыря и христианина. Ваша духовная дочь

А. К.*

Архив КНБ Республики Казахстан, дело № 02.

Влияние обновленческих настроений не миновало и Николаевскую церковь. В 1927 году о. Александр стал склоняться к мысли, что обновление власти светской естественно влечет за собой обновление в сфере церковной, и был намерен вступить в общение с обновленцами. Как он сам говорил, что, испытывая сильное томление духа, не знает, к какому концу пристать. О. Стефан твердо держался староперковных позиций, не допуская ни малейшего компромисса. Дух единства, на котором коренилась дружба двух пастырей, был утерян, но не была утеряна христианская любовь и сопереживание одного человека другому.

А. Нагибина:

«О. Стефан сказал о. Александру: «Я в обновленчество не пойду. Я буду служить по-старому в Пантелеимоновском приделе. Но и тебя никуда не пущу. Выбирай себе любой придел и служи в нем, как знаешь. Ты настоятель, это твой храм и ты должен быть здесь».

Скорбели об о. Александре православные алматинцы, молились сестры, и все плакали: «о. Александр, опомнитесь, что вы делаете!» Помню, мы, дети, плакали у иконы целителя Пантелеимона, прижмемся лицом к иконе и просим, чтобы великомученик не пускал о. Александра в обновление.

Так он томился-томился, пока не произошло следующее. Собрались в церкви женщины и старухи и выдвинули от себя самую бойкую по фамилии Лучагина (Лучажихой ее все звали)— высокую, крепкую старуху, у которой была палка с набалдашником. И вот, вечерню надо служить, о. Стефан уже в алтаре, о. Александр зашел в церковь, перекрестился, тут подходит к нему Лучажиха и говорит: «Отец Ляксандра!» Он обернулся: «А?»— назвал ее по имени-отчеству (он всех бабок по имени-отчеству называл). И она так по-простому ему сказала: «Ты что же, хочешь бросить свое стадо и куда-то идти? Ты же наш отец! Мы все плачем о тебе, все плачем! А меня командировали сказать тебе, что ежели ты нас бросишь и пойдешь в обновление, то я возьму эту палку да как начну тебя здесь возить, как свое родное дитя, и не посмотрю, что ты священник!»— ну как еще наставить? Слов у нее таких нет. Замахнулась палкой и заплакала. Мы тоже стоим и плачем. И о. Александр стоит, голову вверх поднял, как остолбенел. Потом тоже заплакал и ушел в алтарь. Там немного побыл, потом вышел, подошел к Лучажихе (а она все плачет), поцеловал ее и сказал: «Спасибо вам, что вы за меня беспокоитесь». И о. Стефану сказал: «Через эту старушку просветил Господь и душу мою и разум. Как осенило меня — все скорбят обо мне, а я что делаю? Куда я лезу, как помраченный?» О. Стефан сказал: «Хоть ты на деле не принял обновленчества, но в мыслях принял. А раз ты это понял, то вот — от службы я тебя отстраняю. Снимай ризы, пока не принесешь покаяния». О. Александр согласился: «Буду каяться!» Он хотел от ворот через двор на коленях ползти на паперть и через храм до амвона. О. Стефан запретил: «Нет, ты сердечник, тебе тяжело. Только от паперти до амвона».

И в праздничный день перед литургией о. Александр встал на колени и в одном подряснике полз от паперти до амвона, и с амвона просил прощения у Господа, у собравшегося принять его покаяние духовенства, и у всей своей паствы, которая плакала

за него, молилась, и — вымолила. О. Стефан облачил о. Александра в ризы, и радость была для всех, и вновь служили они вместе.

В 1927 году Алма-атинскую кафедру возглавил преосвященный епископ Лев (Черепанов). Епископ Лев родился в 1888 году в семье протоиерея. Окончил Пермскую духовную семинарию и рукоположен во священника к Скорбященской церкви женского монастыря в Нижнем Тагиле. Овдовев, принял монашество и 26 января 1923 года был хиротонисан во епископа Нижнетагильского. Хиротония совершалась при участии епископа Андрея (Ухтомского), имевшего благословение от святейшего патриарха Тихона избирать кандидатов, тайно и явно совершать хиротонии во святители. В Алма-Ату епископ Лев был направлен с определенной целью — вести борьбу с обновленчеством на вдовствующей после гибели епископа Пимена (Белоликова) Алма-атинской кафедре. Но недолго продлилось служение здесь епископа Льва. В 1929 году он был арестован органами ГПУ.

По причине противоречий, существующих в уголовном деле, доподлино установить ход событий, сопровождавших арест, невозможно. Можно лишь привести следующие факты.

16 мая 1929 года к настоятелю военной церкви святителя Алексия протоиерею Алексию Марковскому и старосте этой церкви Евфимию Шпаку явился инспектор административного отдела ИНО в сопровождении милиционера. Инспектору было предписано от ОК Исполкома расторгнуть договор с верующими на пользование молитвенным зданием, закрыть и запечатать церковь. Он приказал о. Алексию очистить здание церкви от икон, иконостаса и «других предметов к 10 часам утра, завтра», угрожая за невыполнение приказания строжайшим наказанием. Настоятель, опираясь на новый закон о религиозных обществах, гласивший, что ликвидация молитвенных зданий и фактическое закрытие храмов совершаются по постановлению Президиума ВЦИКа, потребовал от инспектора предъявить постановление, на что последний ответил: «Я инспектор адмотдела ИНО, а он,— указывая на милиционера,— начальник милиции. Мы представители власти, какие вам еще предписания? Мы приказываем, и вы должны исполнить наше приказание». Если бы настоятель исполнил незаконный приказ и вынес из церкви хотя бы одну икону, немедленно было бы доложено власти, что верующие Алексиевской религиозной общины добровольно сдали церковь и сами отказались от нее свободно и охотно. За неисполнение приказа о. Алексий и староста Шпак были немедленно арестованы. Инспектор отобрал у настоятеля ключ, замкнул церковь и к дверям приложил печать.

Через месяц, 12 июня, в день празднования памяти святых апостолов Петра и Павла, епископ Лев совершал божественную литургию в Свято-Троицкой церкви г. Алма-Аты. После богослужения владыка произнес проповедь, в которой указывал на индифферентное отношение верующих к вопросам церкви и христианства, на незнание Священного писания. «Братья христиане!— говорил епископ.— Нынешний день установлен в честь святых апостолов Петра и Павла. Мы в настоящее время забыли про них, про этих героев духа. Мы увлеклись другими героями — героями современности: героями воздухоплавания, героями цирка, театра, музыки. Героями Льва Толстого и Максима Горького. Знаем их отлично, рассуждаем, разбираем их. Увлечены чтением Карла Маркса, Энгельса, Ленина,— цитируем их, а героев духа забыли». Проповедь была закончена характеристикой христианской жизни святых апостолов и призывом подражать им в своей жизни.

Через 3 дня, 15 июня, епископ Лев был арестован. В первые дни заключения толпы народа стояли у ворот тюрьмы, желая видеть архиерея, снискавшего за короткое время служения на Алма-атинской кафедре горячую любовь со стороны своей паствы. Администрацией в течение трех дней был разрешен доступ народа к владыке. И все три дня с утра до вечера вереница людей тянулась вдоль тюремной стены. И в тюрьму люди приносили свои горести и получали совет, утешение и благословение архиерея.

Органами ГПУ было сфабриковано уголовное дело, обвинительное заключение которого, вынесенное 29 августа 1929 года, гласило: «Подсудимые Марковский и Шпак, выполняя распоряжение епископа Льва — «держаться и отстоять Алексиевскую церковь во чтобы то ни стало», организовали массовые беспорядки. Собрав на Военной площади толпу верующих (около 100 человек), они выступили с протестом против изъятия церкви, возбуждали народ против сов. власти, отказались очистить церковь от культового имущества, ввиду чего имущество церкви оставалось несколько дней на подводах на площади у церкви. Кроме того, епископ Лев обвиняется в том, что выступал в церкви с проповедью к/р характера.

Подсудимых Льва Черепанова и Алексия Марковского заключить в концлагерь сроком на 3 года. Подсудимого Ефима Шпака выслать сроком на три года»*.

*Архив КНБ РК, дело 022.

Епископ Лев был отправлен в тюрьму города Пенджикента.

В октябре 1929 года был закрыт для богослужений и передан под исторический музей Вознесенский кафедральный собор. Выставленные из собора обновленцы во главе с «митрополитом» Мелхиседеком перешли в Троицкую церковь. Это обновленческое движение, подчинявшееся ВЦУ, кроме Троицкой церкви занимало Софийский собор и Покровскую церковь. Во Введенской церкви служили приверженцы григорьевского раскола*. Лишь Николаевская церковь оставалась к тому времени единственным в городе оплотом православия.

*ЦГА Казахстана, ф. 789, оп. 1, д. 36.

С того же, 1929 года, начинает свое служение в Николаевской церкви протоиерей Филипп Григорьев. О. Филипп был по национальности калмык. Родился он 6 ноября 1870 года. Окончил Омскую учительскую семинарию и в 1897 году начал свое служение в Омской епархии в должности псаломщика. 22 июня 1898 года был рукоположен во диакона и 24 октября 1902 года состоялась его иерейская хиротония. В хрониках Омской епархии о. Филипп упоминается: в 1906 г. как священник церкви села Копьевского Тарского уезда и заведующий и законоучитель Копьевской школы; в 1911 г. как священник церкви села Ново-Рождественского Омского уезда. В 1913 г. он переведен в церковь поселка Божедаровского Омского уезда. В 1915 г. утвержден в должности члена благочинического совета Омского уезда. В 1916 г. был награжден камилавкой и в 1917 г. переведен в церковь села Калачинского Тюкалинского уезда*.

*«Омские Епархиальные Ведомости», 1906. №6—7; 1911. №11; 1913. №16; 1915. №3; 1916. №28; 1917. №16.

После 1917 года о. Филипп служил в церкви села Александровка Алма-Атинской области, после закрытия которой он продолжил свое служение в Троицкой церкви Алма-Аты до тех пор, пока она не стала обновленческой. Не пожелав переходить в раскол, о. Филипп стал проситься к о. Александру в Николаевскую церковь, и о. Александр радушно принял потерявшего приход пастыря.

Четвертым священником Николаевской церкви был протоиерей Виктор Поливанов. До 1908 года о. Виктор служил в Покровской церкви Верного. После назначения о. Александра Скальского настоятелем Николаевской церкви о. Виктор был переведен на его место — настоятелем Александро-Мариинской церкви при детском приюте и служил там вплоть до ее закрытия. Следующее место его служения — Вознесенский кафедральный собор, где в 1923 году вместе с настоятелем и прочими клириками принял обновленчество и до 1928 года был ключарем Кафедрального собора. В 1928 году о. Виктор принес покаяние, прекратил общение с обновленцами, и о. Александр взял его в Николаевскую церковь. Прекрасный знаток церковного пения, закончивший в свое время консерваторию вместе со Свешниковым, он был регентом правого хора. Не имея собственного дома, который был передан в ведение ГПУ, о. Виктор жил со своим небольшим семейством, женой и дочерью, в Николаевской церкви, в левой боковой комнате у притвора. Вместе с ними жила бывшая насельница Верненского монастыря инокиня Параскева (Буханцова). К тому времени о. Стефан, о. Александр и матушка Парасковья Кузьминична также лишились собственного дома, в котором прожили долгие годы. Он почему-то тоже приглянулся ГПУшникам, и в один день и священники, и матушка оказались на улице без крыши над головой. Николаевская церковь была переполнена вынужденными жильцами, и настоятель ее не имел своего угла. Некоторое время о. Александр и о. Стефан ходили с квартиры на квартиру, пока, наконец, их вместе с Парасковьей Кузьминичной не взяла к себе в дом монахиня верненского монастыря Евфросиния (Даурцева).

3 апреля 1930 года на Алма-атинскую кафедру был назначен епископ Герман (Вейнберг). Епископ Герман родился 8 октября 1885 года в дворянской семье. Окончил Петербургский университет и в 1916 году Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 24 ноября 1913 года, будучи в академии, пострижен в монашество и рукоположен в сан иеродиакона. 30 апреля 1914 года рукоположен в сан иеромонаха. В 1916 — 1917 гг. был преподавателем Житомирского училища пастырства о. Иоанна Кронштадтского. 19 октября 1926 года хиротонисан во епископа Масальского, викария Калужской епархии. С 23 января 1929 года был епископом Бугульминским. В Алма-Ату епископ Герман прибыл с игуменом Феогеном (Козыревым). Жили они вместе в Николаевской церкви в правой боковой комнате у притвора. Игумен Феоген родился 27 января 1862 года в Петербурге, в семье царедворца. Он был вдовцом и имел сына, который после Октябрьского переворота эмигрировал за рубеж. Сам же игумен Феоген (в то время Козырев Василий Львович) был вынужден скрываться от большевиков как человек, близкий к царскому двору. Он нашел приют в одном из монастырей Калужской епархии, где в 1924 году принял монашеский постриг и в 1926 году священный сан. Игумен Феоген был почти вдвое старше молодого епископа Германа и являлся для него одновременно келейником и старцем. И владыка в духовных и текущих епархиальных делах всегда спрашивал совета отца Феогена.

Епископ Герман был одарен незаурядными научными способностями и уже будучи архиереем проявлял особый интерес к астрономии. Имея тонкий душевный склад и ангельское смирение, епископ Герман в то же время был твердым и бескомпромиссным защитником православия. И с церковной кафедры бесстрашно звучали его обличительные проповеди, направленные против обновленческого раскола и его приверженцев. Посеянные в 1923 году «епископом» Алексием (Марковым) и взращенные его последователями семена обновленчества к 1930 году дали обильные всходы как в Алма-Ате, так и по всей епархии. Владыка Герман старался удержать свою паству в духе истины, возвращал заблудших, не оставляя без внимания ни одного прихода и ставя, где это было возможно, новых священников, стоящих на высоте своего призвания. Епископ Герман рассылал на приходы архипастырские послания, вел переписку как с мирскими лицами, так и представителями церковной иерархии, имея ту же цель — укреплять традиции Церкви, вести активную борьбу с ересью и безбожием. В следственном деле, хранящемся в архиве КНБ Республики Казахстан*, фигурирует выдержка из письма затворника Киево-Печерской лавры схиархиепископа Антония (Абашидзе), бывшего епископа Туркестанского и Ташкентского Димитрия (1906—1912 гг.) к епископу Алма-атинскому Герману, датированного 1—14/12—1931 г. «Удивляет меня очень успех григорианского раскола. Чем могут люди увлекаться? Ведь у григориан нет особой идеологии ни по какому вопросу, отличной от православия. Григориане отличаются от православия только своей неканоничностью, своею преступною незаконностью, лживостью. Признают григориане митрополита Петра, а этот последний считает их, григориан, раскольниками. Мне сильно, сильно больно, что мой бывший келейник, обученный мною Матфей Долиндо, является главным заправителем неправого григорианского раскола. К моему горю сам Григорий (Яцковский) ведь мой келейник по Киевской академии. Два года мы жили с ним в одной келье. Что поделаем, Владыко Святый, исполняются над нами слова Божественного Евангелия. Будем молить Господа, чтобы Он, Небесный наш Пастыреначальник, сохранил бы нас в Своей Истине до конца! Об этом я постоянно взываю к Нему — Всеблагому и Всемилостивому Господу нашему. Да поможет Вам Всемогущий вернуть заблудших в ограду Святой Церкви».

*Дело №235771, т. 2.

Для поддержания духа верующих епископ Герман собирал сведения о находящихся в местности близ Алма-Аты мощах апостола и евангелиста Матфея с целью прославления этой местности. К исследовательской работе по этому вопросу он старался привлечь профессуру и образованное духовенство, отбывающих ссылку в Алма-Ате. На литургии ссыльных священников владыка благословлял причащаться в алтаре в полном облачении. И нередко алтарь Николаевской церкви был переполнен духовенством — от диакона до архиереев. Среди последних в Алма-Ате находились архиепископ Херсонский и Николаевский Прокопий (Титов) и епископ Подольский и Брацлавский Амвросий (Полянский). При их участии в начале весны

1932 года игумен Феоген был возведен в сан архимандрита.

Анастасия Нагибина: «Но владыка Герман был слаб здоровьем. Многолетний строгий пост, с одной стороны, и текущие тревожные политические и внутрицерковные события, с другой, изнуряли его до крайней степени. Кроме того, духовенство и миряне ежедневно целыми семьями или тайком в одиночку шли к владыке, желая получить от него поддержку и совет: «Куда деваться? Как жить?» Всех он принимал, благословлял, утешал, помогал, как мог, материально. У владыки сдавали нервы. Он предчувствовал, что вот-вот и его арестуют, и ждал ареста. О.. Александр опасался за его здоровье и часто говорил: «Я боюсь за владыку. Он очень худой, очень нервный. Ему бы врача надо». Владыка рассказывал, что, засыпая, положив голову на подушку, он слышит разговор о своем аресте.

Виктор Поливанов

В начале декабря 1932 года пришла к сестрам мать начальника ГПУ Иванова и сказала: «Мой сын послал меня предупредить, что в ночь под 10 декабря всех ваших священников арестуют. Никому не велел говорить, а только, жалея меня, потому что я церковь люблю, сказал: «Пойди и скажи сестрам».

Вечером под 10 декабря торжество в церкви было такое, как никогда. Служил владыка Герман, сослужили о. Феоген, о. Александр, о. Стефан и о. Филипп. В городе среди ссыльных было много церковных певчих и оперных певцов. О. Виктор Поливанов собрал великолепный хор. Но в тот вечер он был болен, хором не управлял. Кроме епископа Германа, священников и сестер, никто не знал о предстоящем аресте. Среди молящихся было много ссыльных, служба шла по-особому празднично, и Господь в этот вечер в преизбытке согревал Своею Благодатью каждое обращенное к нему сердце и наполнял теплотою и радостью обессиленные от бесконечных мытарств людские души.

Была всенощная накануне празднования иконы Матери Божией, именуемой «Знамение».

Служба закончилась, сестры спустились в свою келью. Кроме них в церкви находились епископ Герман, архимандрит Феоген, о. Виктор с семьей, инокиня Параскева и странник Виктор остался у нас в эту ночь. Ночевальщики собрались наверху, но им сказали: «Лучше уйдите от греха, потому что тревожно».

Сестры поужинали и говорят: «Ну вот и неправду сказали. Уже 10 часов вечера, а все спокойно». Мать Феодора возразила: «Рано еще так говорить, еще вся ночь впереди». Только проговорила, и слышим — в окна бьют. Мы испугались и сразу поняли, кто стучит. Потом начали бить в восточные двери подвала. Никто из нас не решился их открыть. Били сильно, но двери были окованы железом с обеих сторон, засовы крепкие, и на окнах ставни. Тогда красноармейцы пошли к центральной двери и стали стучать очень громко и ругаться. Мать Евфалия поднялась наверх и сказала: «Без старосты мы двери не откроем». Красноармейцы привели старосту — Шахворостова Георгия Васильевича (он жил рядом с церковью). Мать Евфалия открыла двери. Они сразу пошли в комнату владыки Германа и архимандрита Феогена. Те уже были готовы к аресту. У красноармейцев был ордер на арест о. Виктора Поливанова, но они его не взяли, потому что он лежал в постели больной и не мог подняться. Взяли инокиню Параскеву (Буханцову), т.к. у нее было послушание делать уборку в комнате владыки. Пока красноармейцы проводили наверху обыск и считали деньги у свечного ящика, мать Феодора вывела странника Виктора через восточную дверь на улицу, и он ушел к вдовушке Марии Мищенковой, что жила неподалеку. Остальные сестры сидели в подвале и через полуоткрытую ставню видели, как другая группа военных привела во двор о. Александра, о. Стефана и монахиню Евфросинию (Даурцеву), в доме которой они проживали. Потом арестованных собрали всех вместе во дворе и повели в ГПУ. Мать Евфалию тоже захватили с собой, но не арестовали, а взяли для того, чтобы она донесла им до ГПУ ящик с изъятыми деньгами. Когда пришли в ГПУ, там уже был о. Филипп.

Мы остались в церкви одни, сестер не тронули — начальник ГПУ Иванов не дал ордер на их арест. Мы не спали до утра. Утром пришли на литургию люди. Очень много собралось народа, полный двор. Увидели, что церковь опечатана и на двери висит замок. Все стояли у церкви и не расходились. Кто-то в толпе сказал: «Давайте сорвем замок и зайдем в церковь». Ему ответили: «Не надо, может быть еще хуже». Сестры не знали, оставаться нам жить в церкви или уходить. Пришли ГПУшники и сказали, что в подвале сделают овощное хранилище, но нам разрешили остаться жить, только не зажигать света.

Батюшек о. Александра, о. Стефана и о. Филиппа с месяц допрашивали в ГПУ. Потом их всех троих направили в санпропускник, т. е. в баню. Там их хорошо напарили, затем посадили в кузов открытого грузовика и повезли по морозу в городскую тюрьму. Сильно простуженные, в тюрьме они сразу заболели сыпным тифом. Как-то рано утром в церковь пришла санитарка из Красного Креста и сказала сестрам, что в тифозные бараки привезли из тюрьмы о. Стефана и о. Филиппа. (Бараки эти были расположены на нынешних улицах Байтурсынова и Айтеке Би, где сейчас находится морг, а в то время туда свозили тифозных со всего города). На следующее утро в этих бараках был уже и о. Александр. Мать Феодора ходила навещать их. Через окно она разговаривала с о. Александром. Он сказал, что чувствуют они себя плохо, и просил красного вина «Кагора».

Первым умер о. Филипп — 17 января. Вторым — о. Стефан — 18 января. Мы никак не думали, что о. Александр тоже умрет, все были уверены, что он выживет. Но и он умер 20 января 1933 года.

В тюрьме нам давали разрешение забирать батюшек из Красного Креста и хоронить. Но предуп-

редили, чтобы хоронили тихо: «Мы проверим,— сказали,— и, если будет собираться народ, всех перестреляем».

К тому времени на той горочке, на которую с колокольни показывал о. Александр, образовали лагерь для раскулаченных. Заключенные жили в холодных и сырых бараках. Был голод, людей заедала вша, и они умирали там, как мухи. Днем заключенные работали, а ночью копали могилы и не успевали выносить мертвецов. Так и стала эта горочка к январю 1933 года кладбищем лагерных узников. Горожан же продолжали хоронить на городском кладбище. Но в тот период, когда умерли батюшки, по каким-то причинам закрыли городское кладбище и всех, умиравших в городе, направили хоронить на эту горочку. Это длилось не более двух недель, потом городское кладбище вновь открыли.

О. Филиппа из бараков забрали домой родные, и из дома мы повезли и похоронили его наверху горочки. О. Стефана некуда было забирать. Гроб с его телом сестры поставили на церковном дворе у оградки. Пришел староста Шахворостов, пришел сосланный в Алма-Ату старый священник о. Афанасий. Церковь была опечатана, но через бывший в ней лаз, который вел из подвала в алтарь и в ризную, я пролезла наверх и вынесла Евангелие, крест, кадильницу и все нужное облачение. Мать Феодора велела брать все лучшее. Потом сестры загородили гроб простынями и прямо на улице, среди сугробов, о. Афанасий и староста Шахворостов помазали о. Стефана миром и облачили. Вложили в руку крест, на грудь — Евангелие, положили кадильницу — все, как положено. Пришла санитарка из Красного Креста, забрала казенную одежду батюшки. Пришли с проверкой из ГПУ и были довольны — народ не собрался. Велели быстро закрыть гроб крышкой, чтобы никто не видел, что священника хороним. Мы закрыли, забили гвоздями, поставили гроб на телегу, и одолженная у соседей лошадка повезла батюшку вверх на горочку. Мы шли за гробом и плакали. Матушка Парасковья Кузьминична очень плакала, а несколько позже открыла матери Феодоре, что всю жизнь прожили они с о. Стефаном как брат с сестрой. Как повенчались, так он сказал:

— Дорогая Парасковья Кузьминична! Хочешь ли ты в рай попасть и с Господом быть?

— Хочу.

— Так вот, я тебе — брат, а ты мне — сестра.

Мы привезли о. Стефана на лагерное кладбище. Гроб нести было некому. Сестры и староста Шахворостов двигали гроб по снегу к могиле о. Филиппа. Земля была застывшая. Копать новую могилу у нас не было сил. Мы выбросили землю из свежей могилы о. Филиппа, в южную сторону от его гроба сделали подкоп и задвинули туда гроб с телом о. Стефана. Так же хоронили мы о. Александра. Так же облачили на церковном дворе, отдали санитаркам одежду, успокоили своей немногочисленностью ГПУшников, на ту же телегу поставили гроб и повезли о. Александра в предгорье, за Головной арык, на ту горочку, которую он сам для себя указал. Снова выбросили еще не застывшую землю из могилы о. Филиппа, сделали подкоп в северную сторону и опустили в него о. Александра. Только мать Феодора была недовольна. Она хотела, чтобы посередине лежал о. Александр, как старший, но — как Бог дал.

Проходила зима. Наступил великий пост. Мы все еще жили в церковном подвале, через перегородку от овощехранилища. Туда с правой стороны церкви въезжали грузовики и шла разгрузка овощей. Нам разрешали брать морковь, картофель и яблоки. Приближалась Пасха. Народ стал хлопотать об открытии к Пасхе храма. В ГПУ смягчились, разрешили вновь открыть церковь. Но кому в ней служить? Священников нет. Сестры пошли в ГПУ просить разрешения служить на Пасху священнику из ссыльных. Разрешили, дали сестрам на руки документ. Пошла мать Феодора с прихожанкой Стригиной Анной Петровной к одному из ссыльных. Пока шли, в потемках упали в яму, вылезли из нее все грязные, и вода с них льется. Пришли к священнику. Дверь открыла матушка, замахала руками: «Как ему служить! Разве что на четвереньках! Он который день пьяный! «Женщины заплакали и сказали: «Какие мы, такой и священник», — и пошли к о. Афанасию. О. Афанасий прочитал разрешение и согласился 3 апреля на Пасху служить. На эту Пасху все плакали. Прежде батюшки выйдут на амвон — о. Александр, о. Стефан, о. Филипп с крестами в руках, в белых ризах, радостные, и как возгласит о. Александр на всю церковь: «Христос воскресе!»— под купол голос летел,— и гром голосов так же радостно в ответ: «Воистину воскресе!» А здесь о. Афанасий, старый, слабенький вышел, чуть живой, возгласил еле слышно: «Христос воскресе!» А в ответ два-три голоса приглушенно: «Воистину воскресе!»— а вся церковь плачет одним стоном. Это была Пасха слез.

Владыку Германа, архимандрита Феогена, инокиню Параскеву и монахиню Евфросинию допрашивали в ГПУ полгода. Свидания с ними не разрешали, но в определенные дни сестры носили им передачи. Очередь в ГПУ была огромная. Люди приходили до рассвета и целый день до вечера толпа народа томилась, ожидая своей очереди на прием передачи. 25 июня 1933 года было вынесено обвинительное заключение и приговор, который гласил: ОПО ПП ОГПУ КАЗССР ликвидирована контрреволюционная организация церковников, охватывающая своей деятельностью ряд общин сергиевского течения, существующих в Алма-Ате, Сарканде, Лепсинского пограничного района, станицах Талгаре, Чилике, Алма-Атинской области, и с. Лебединке Кирреспублики. Идейными вдохновителями и руководителями организации были: епископ сергиевской ориентации Вейнберг Герман Адамович; Скальский Александр Филимонович, протоиерей, бывший член Верненского отделения Семиреченского епархиального управления; Козырев Василий Львович, он же архимандрит, сын бывшего царедворца. Задачи ликвидированной организации в основном сводились:

1) развитие контрреволюционной деятельности в блоке с белоэмигрантами и церковными кругами г. Кульджи китайской провинции Синьцзян;

2) переправа за кордон нелегальным путем устойчивого в контрреволюционном отношении духовенства как представителей от организации с целью закрепления блока и передачи сведений о положении в СССР вообще и о гонениях за религию в частности;

3) создание контрреволюционных пораженческих настроений среди членов религиозных общин.

Проходящие по делу:

Даурцева Евдокия Ивановна 39 лет, из Алма-Аты, образование домашнее;

Буханцова Парасковья Павловна 40 лет, из крестьян Лепсинского района КССР деревни Колпаковка, с 13 лет жила в монастыре г. Алма-Аты, в данное время певчая при Никольской церкви;

обвиняются в том, что, примыкая к руководящему центру организации и являясь ее надежной опорой, способствовали организации в развитии ее контрреволюционной деятельности и в том, что Даурцева предоставляла свою квартиру для руководителей организации, собиравшихся там с целью обсуждения программных и тактических установок в начале возникновения организации.

Постановлением тройки при ПП ОКПУ в Казахстане епископа Германа заключить в конц.лагерь сроком на 8 лет, архимандрита Феогена и монахинь Евфросинию и Параскеву выслать в Западную Сибирь сроком на 3 года*.

*Архив КНБ РК, дело №235771.

Епископ Герман отбывал срок в лагере поселка Долинка Карагандинской области. Его определили в лагере ухаживать за скотом. Сестры посылали ему посылки, но, как впоследствии рассказывали, посылок этих он не видел, их отбирали у владыки уголовники. «Время миру и время борьбы с ересями,— рассуждал владыка в одном из своих писем в 1932 году,— время свободы и время насилия, время преподобной жизни и время исповедничеству и мученичеству. Время свободному служению и время служения при насмешках, время господствовать и время быть рабом Господа Всевышнего и т.д. Кто не со Христом, тот против Него, кто не в Церкви Христовой, тот погибнет от власти сатаны, тот в дверях ада. Поэтому нужно все употреблять, чтобы быть со Христом и пользоваться Его средствами нам предлагаемыми — Святым Телом и Кровью Его, Святыми Таинствами. Кто последние употребляет, тот не может быть в союзе с дьяволом и его царством — адом, тот вне его и у него нет лжи»*.

*Там же.

27 мая 1938 г. епископ Герман был вторично осужден в лагере сроком на 10 лет. В его деле есть следующая характеристика: «Убежденный служитель культа. Не исключена возможность религиозной пропаганды среди верующих. Требует специального наблюдения. Слаб здоровьем: порок сердца, истощение, склероз сосудов. Отношение к труду механическое. Рассеян. Норму не выполняет»*.

*Архив КНБ Карагандинской обл. Дело №53942.

Владыка Герман умер 24 мая 1942 года в стационаре на командировке «Акмолинское»* Карлага.

*Отделение, находящееся на расстоянии от лагеря.

Похоронен на кладбище этой командировки. На могиле поставлен столб с надписью «Б-16». Дальнейшая судьба архимандрита Феогена неизвестна, но вызывает сомнение, чтобы человек на восьмом десятке лет своей жизни (при аресте ему был 71 год) мог выдержать даже трехлетний срок Сибирской высылки.

Из лагерей, после 10-летнего пребывания на Колыме, вернулись лишь монахиня Евфросиния и инокиня Параскева.

Воспоминания академика Щелкачева Владимира Николаевича: «В 1930 году, в Москве, я был арестован вместе с настоятелем храма Никола-Плотники протоиереем Владимиром Воробьевым за то, что состоял в двадцатке этого храма. Около года я провел на Лубянке и в Бутырской тюрьме, был осужден по статье 58 п. 10, 11 и в 1931 году, в канун Воздвижения Креста Господня, сослан на 2 года в Алма-Ату. Алма-Ата была наполнена ссыльными, среди которых были профессора, инженеры с огромным стажем, специалисты разных областей и разных степеней, духовенство. В ГПУ мне дали бумагу, что раз в 10 суток я обязан туда являться. А теперь — куда хотите, тула и идите, где хотите, там можете устраиваться на любую работу.

Я пошел в дом колхозника на базарную площадь, единственное место, где можно было переночевать. Это был одноэтажный дом из двух комнат, битком набитый людьми. На полу деревянной веранды я постелил газеты и прилег. Но заснуть не успел — меня отыскал племянник о. Владимира Михаил Осипович Воробьев и забрал к себе в дом, хотя ссыльных принимать было запрещено. В городе была одна-единственная баня, достать билет в которую было невозможно. Я устроился преподавателем математики сначала в промышленный техникум, а затем в педагогический институт. Каждый воскресный день я ходил в Николаевскую церковь, где служили епископ Герман, архимандрит Феоген и три священника — о. Александр, о. Стефан и о. Филипп. О. Александра я мало знал, с о. Стефаном был хорошо знаком, знал и о. Филиппа. Но с ними я не был близок. Духовником в моей ссылке был архимандрит Феоген. Я хорошо помню владыку Германа.

Он был небольшого роста и очень худенький. Было понятно, что перед тобою — аскет. В нем не было никакой надменности, величавости. Он был предельно прост. Жил он в притворе Николаевской церкви, и к нему ходили все ссыльные, несчастные и нуждающиеся, и он отдавал им все, что имел. Это был полный бессребреник. Проповеди его были высокими по духу, но понятными и доходчивыми для всех. Он много и напряженно работал. Иногда к церкви подъезжал на лошадке, запряженной в линейку, один из прихожан. Владыка садился в линейку, и они ехали по грунтовой дороге по направлению к Медео. Поднявшись довольно высоко, они сворачивали в ущелье, и владыка, оставив линейку и ездока, один поднимался в горы помолиться и отдохнуть.

В конце 1932 года епископа Германа и всех священников арестовали и на Пасху 1933 года Николаевская церковь была закрыта. Но люди пришли, пришел и я, и все мы стояли во дворе перед закрытыми дверями. Как же мы были изумлены и как обрадованы, когда поздно вечером неожиданно открылись церковные двери! Поток людей ввалился в храм и началась пасхальная заутреня. Служил старый священник из ссыльных и известный московский протодиакон Туриков*, тоже ссыльный. Было скорбно и радостно встречать эту Пасху, наверное самую памятную в моей жизни».

*По воспоминаниям А.Нагибиной протодиакон Туриков не служил, а пел в хоре.

Анастасия Нагибина: «После Пасхи 1933 года Николаевская церковь была открыта, но служить в ней было некому. В это время в Алма-Ату приехали из Сибири священники, лишившиеся своих приходов. Это были горе-священники, открыто заявлявшие о своем неверии. Они и стали служить в Николаевской церкви. Когда сестры желали побеседовать с ними, услышать духовное слово, те прямо говорили: «Мать, да мы в Бога не верим.. Никогда не верили и не верим». Три священника были и диакон.

В 1934 году в Алма-Ату был назначен епископ Александр Толстопятов. Бывший морской инженер, за свою чрезмерную строгость владыка был прозван в народе «Иван Грозный». В церкви пошла полная неразбериха. Храм пропитался запахом гнилого картофеля, который хранился здесь же, в подвале-овощехранилище. Из алтарей стали пропадать ков-

ры, чаши и прочие церковные принадлежности. Владыке писали доносы, что это, мол, монахини воруют, и владыка верил этим доносам. Сестры чувствовали, что жить при храме им осталось недолго, но самовольно покинуть храм не решались. Они также продолжали печь просфоры, петь на клиросе и выполнять всю хозяйственную работу.

Приходили ссыльные, их принимали, но уже меньше. Мать Феодора давала им бесплатно просфоры, так как ссыльным было не на что их купить. Из-за этого получился скандал, и в конце концов владыка приказал сестрам покинуть храм. Матушки сложили свои пожитки на телегу и переехали жить в мазаную избушку на Лесную улицу. Раз зимой мать Феодора пришла в церковь еще затемно на раннюю обедню. Во дворе под деревом стоял знакомый ей старичок. Матушка подошла к нему и расплакалась: «Пора уже службу начинать, а в храме еще свет не горит и замок на дверях». Старичок ей ответил: «В прошлое воскресенье я пришел также рано, стоял здесь под деревом и молился. Смотрю, зажегся в храме свет, открылись центральные двери, вышел на крыльцо святитель Николай с метлой в руках и стал мести направо и налево. И вымел всех, кто в этом храме служит, все катились с паперти по ступенькам до самой земли. Потом зашел в храм, закрыл двери и света в храме не стало. Так что, матушка, все это скоро прекратится».

Шел 1936 год. В Николаевской церкви снова произошли аресты: взяли епископа Александра и тех священников — «веришь-не веришь»,— всех арестовали. Отречение им не помогло. «Раз не верите, значит обманывали народ»,— и всех в тюрьму посадили. Церковь закрыли вторично*. В ее помещении устроили музей атеизма, поставили на крыльцо каменных истуканов».

*Городской архив г. Алма-Аты, ф. 174, оп. 10, д. 67.

С начала Великой Отечественной войны в Николаевской церкви была устроена конюшня, а в подвале ее размещалась военная штрафная рота. Бывшие прихожане нередко наблюдали, как по настланным на высокое крыльцо церкви деревянным трапам в 6 часов утра военные выгоняли из церкви табун лошадей, в 8 часов табун загоняли обратно. В алтаре и по всему храму стояли деревянные нары. На нарах лежало сено, на полу лежал навоз.

В это время в Алма-Ате не осталось ни одной действующей церкви. Христиане тайно собирались на квартирах для общей молитвы. Одним из тех священников, которые тайно совершали тогда Божественную литургию, был протоиерей Виктор Поливанов. После закрытия Николаевской церкви о. Виктор с матушкой и дочерью переехали к сыну Виктору, который служил священником в церкви г. Орехово-Зуево. В 1937 году о. Виктор-младший был арестован и расстрелян, и о. Виктор-старший возвратился в Алма-Ату. Здесь он кое-как устроил семью, сам же проживал на разных квартирах, пока сестры не нашли для него отдельный дом, где была одна комната, кухня и холодный коридор. В 1943 году вернулась из ссылки инокиня Параскева (Буханцова). Она поселилась у о. Виктора и ухаживала за ним, поскольку он был слабый и болезненный.

«Я больной человек,— говорил о. Виктор,— но я — иерей. Я не могу не служить, я должен служить Богу».

В комнате у окна стоял стол, на котором расстилался антиминс, и о. Виктор, по немощи своей почти все время сидя на табурете, при тихом пении собравшегося у него народа, совершал Божественную литургию.

А. Нагибина рассказывает, как, придя однажды к о. Виктору, она услышала от него просьбу:

— Настенька, выйди, пожалуйста, на улицу, посмотри на окно, увидишь ты там что-нибудь или нет?

Я послушалась и вышла на улицу.

— Нет, батюшка, ничего не вижу.

— А ты подальше отойди, к калитке.

Я отошла и увидела на окне иконное изображение Матери Божией с Младенцем на руках. Я зашла в дом и сказала:

— Батюшка, там икона.

И батюшка рассказал, как утром зашли в калитку женщины, остановились во дворе и стали креститься на окно и поклоны класть.

— Паша,— говорю я,— чего они на улице крестятся? Пойди, скажи, чтобы скорее в дом заходили.

Женщины зашли и говорят:

— Простите, батюшка, но как не помолиться, когда у вас на стекле икона Матери Божией?

Я Пашу послал посмотреть, и она говорит, что икона. Я велел Паше протереть стекло. Она вымыла его с мылом, но изображение оставалось. Тогда я вышел сам и убедился в чудесном явлении на оконном стекле нашего дома образа Пречистой Богородицы с Предвечным Младенцем на руках.

Это был не живописный образ, а как бы выведенный карандашом внутри стекла, и виден он был лишь с улицы. Образ продержался несколько дней и исчез. Так Господь явными знамениями укреплял свое малое стадо, ради Него и Пречистой Его Матери собиравшееся при закрытых дверях ветхого дома.

Николаевский храм возвратили общине верующих в 1944 году. Он представлял в это время неприглядное зрелище — без крестов, с сорванными куполами и снесенной колокольней. Ни иконостаса, ни икон, ободранные до древесины стены. Кирпичная кладка тупика подвала изрешечена пулевыми выстрелами. Община сразу приступила к ремонту. А в 1945 году Николаевская церковь стала Кафедральным собором Казахстанской епархии, окормлять которую был назначен освободившийся из ссылки архиепископ Николай (Могилевский). Весной 1946 года, когда еще внутри и снаружи собора стояли леса, владыка Николай освятил первый отремонтированный придел святителя Николая, и на Благовещение в нем прошло первое богослужение. Продолжался ремонт двух других приделов. Заново написан иконостас, в собор возвратились изъятые иконы. Одна из них, икона святителя Николая, с надписью «Образ сооружен в память 25-летия служения иерея Александра Сальского Церкви Божией 23 декабря 1911 года» была вновь положена перед амвоном центрального придела. И ковчег с мощами великомученика Пантелеимона, привезенный с Афонского подворья о. Стефаном, вновь обрел свое место в алтаре Пантелеимонова придела. И как знать, Дух ли Божий внушил архиерею, или кто рассказал владыке Николаю о заветном желании о. Александра, но в подвале собора были возведены кирпичные перегородки, выложен кафелем пол, и под Варваринским приделом устроен небольшой и теплый храм в честь Успения Божией Матери.

Осень 1992 года. Горочка. Мы приехали сюда на легковом автомобиле с А. С. Нагибиной, чтобы отыскать место погребения пастырей исповедников. На их братской могиле монахинями была положена каменная надгробная плита с высеченной на ней

надписью: «Священники Николаевской церкви протоиерей Александр Скальский, протоиерей Стефан Пономарев, протоиерей Филипп Григорьев».

С послевоенных лет лагерное кладбище стало постепенно превращаться в один из жилых районов города. И сейчас на склоне горочки уютно расположились частные одноэтажные дома, утопающие в зелени садов, обильно плодоносящих на сухой глинистой почве. При дороге по вертикальному срезу горы чернеют пустые впадины могил, кое-где свисают остатки полуистлевшей материи. Что это? Обивка гроба или то, что осталось от погребальной одежды?

У кого первого поднялась рука, чтобы снести кресты и надгробные памятники, извлечь из земли останки погребенных лагерников и на месте разоренных могил заложить фундамент своего дома?

В довоенные и послевоенные годы на каждую Радоницу монахини и прихожане Свято-Никольского собора приходили на могилу пастырей, зажигали свечи и негромко, чтобы не беспокоить близ живущих, пели пасхальный канон, возвещая усопшим радость о воскресшем Господе. Облюбовавшие горочку жильцы неоднократно сбрасывали плиту с могилы в овраг, но матушки снова и снова старческими усилиями втаскивали на гору камень и устанавливали его на дорогую им могилу.

И однажды, в 60-е годы, прихожане, придя с пасхальным приветствием на могилу исповедников, не нашли ни плиты, ни могилы. С вершины горы были скинуты все остававшиеся на ней памятники, и трактор сровнял с землей последние холмы, напоминавшие о кладбище лагерных узников. Время брало свое. Монахини одна вслед за другой перешли в иную жизнь, горочка все больше застраивалась особняками. Но имена пастырей исповедников сохранялись в сердцах прихожан Свято-Никольского собора. И вот мы стоим с Анастасией Нагибиной на верху горочки, рельеф которой изменился почти до неузнаваемости. Где-то здесь, в этом районе, находилась могила. Но где? Мы обходим близ расположенные дома, беседуем с жителями. «Вы знаете, что здесь погребены священники?». Да, и они помнят, что много лет здесь лежала плита с их именами. Жители указывают нам на место в одном из дворов — здесь лежала плита, сюда, мы помним, приходили весной старушки и ставили свечи. Но много лет назад бывший хозяин двора окончательно скинул плиту в овраг, недели через три он внезапно умер, плита давно засыпана мусором, а новые хозяева поставили над могилой гараж. Еще нам рассказали, как при прокладке дороги, проведении газопровода и высоковольтной линии врезался ковш экскаватора в землю и кости, черепа, остатки гробов выворачивались из пласта земли и вперемежку с камнями, корнями и глиной ссыпались в кузов самосвала и увозились — куда?— неизвестно.

Июль 1993 года. На запрос архиепископа Алма-Атинского и Семипалатинского Алексия в горисполком об эксгумации останков священнослужителей на бывшем кладбище, а теперь во дворе дома 7 по Кирпичнозаводской улице и, в случае обретения переселения их в склеп, выстроенный во дворе Свято-Никольского собора, получен положительный ответ. И вот, отслужив после многолетнего молчания заупокойную литургию и панихиду по пастырям исповедникам, архиерей, духовенство и миряне поднялись на горочку к дому 7. Там, где много лет лежала надгробная плита, архиепископом отслужена лития, и группа молодежи, при чтении Псалтири, стала осторожно снимать грунт с места возможного захоронения. Через несколько часов были обнаружены остатки полуистлевшего гроба с находившимися в нем человеческими останками. При погребенном были найдены хорошо сохранившийся медный крест на ветхой тесьме и две медные монеты с датой чеканки 1930 и 1932 год. При дальнейших поисках с правой и с левой стороны от первой могилы были обнаружены такие же полуистлевшие гробы с человеческими останками. Но ни в первом, ни во втором, ни в третьем захоронении не было предметов, свидетельствовавших о священном сане погребенных — ни наперсных и напрестольных крестов, ни Евангелия, ни кадильниц, которые в 1933 году были положены пастырям их духовными детьми. Стало ясно, что плита, много раз сталкиваемая с могилы священников, в последние годы оказалась лежащей на иной могиле, могиле иных жертв тех же 30-х годов находившегося здесь сталинского концлагеря. Здесь плита и запомнилась жителям горочки. «Что Бог дал»— было сказано архиереем, и дальнейшие поиски были прекращены. Было решено перенести останки в склеп Никольского собора, поставить над ним памятный резной крест, у которого, как у символа жертв репрессий, служить панихиды с поминовением имен алмаатинского духовенства и мирян, пострадавших в годину испытаний, выпавших на долю святой православной церкви.

Мы покинули горочку, на вершине которой, как венец цинизма предшествующих лет, взгромоздился девятиэтажный серый дом, недостроенный и оставленный строителями. Зияют пустыми глазницами окна панельного великана-дома, в котором нет жильцов.

От составителя: «Работая над составлением жизнеописания пастырей-исповедников, время от времени я приходила к Анастасии Нагибиной, чтобы зачитывать перенесенные мною на бумагу устные ее рассказы. В один из моих приходов Анастасия Степановна сказала мне следующее: «Все это время я пыталась вспомнить, почему о. Александр так желал быть похороненным на этой горочке, и, углубляясь памятью в события того времени, вспомнила, как однажды, там же на колокольне Никольской церкви, о. Александр, смотря на эту горочку, вдохновенно, с душевным трепетом и простирая руки в сторону горной возвышенности, сказал: «Как придет Господь во славе для праведного суда на землю, а я на горе восстану, я первым встречу Его и стану высоко над городом, и устремлюсь к Нему и скажу: «Господи! Господи! Вот я!»

Эти, извлеченные из глубины памяти слова о. Александра, возможно, дают объяснение неудачи нашего поиска их останков. Возможно, не пожелал о. Александр спускаться в низину города, взыскуя нового града, Горняго Иерусалима. И для нас до страшного дня второго пришествия Господня остается тайной, где встретят Господа верные рабы Его. Но хочется верить, что при гласе Архангела и трубы Божией восстанут на горе в нетлении пред Господом славы три исповедника и в великом трепете и радости неизреченной, устремившись к Сидящему на облаке, скажет о. Александр: «Вот мы, Господи!»— и восхищены будут в сретение Господне на воздухе, и так всегда с Господом будут.

В дополнение к повествованию об алма-атинских мучениках и исповедниках хотелось бы внести те имеющиеся краткие сведения о людях, которые в

годы гонений так или иначе находили приют под сводами Николаевской церкви.

А. Нагибина вспоминает:

«Старшей среди сестер Николаевской церкви была монахиня Дорофея. Она родилась в г. Токмаке и при образовании Верненского монастыря стала одной из первых его насельниц. В 1918 году была назначена благочинной. Когда сестры перешли жить в Николаевскую церковь, ей было уже около 70 лет. Она несла послушание псаломщицы и помогала при уборке храма. У матушки была своя келья, в которой она ночевала лишь зимой, а летом ночи напролет проводила в церкви. То в одном углу храма, то в другом заставали сестры матушку, которая, свернувшись калачиком, перебирала четки. Да и зимой в келье своей она почти не спала. Когда в церкви останавливалось много ссыльных, меня отправляли ночевать в келью к матушке. Бывало, она приляжет, отдохнет, но сколько я помню, она чаще сидела на коврике у кровати и повторяла молитву: «Богородице Дево, радуйся...». Сон одолевал ее, голова клонилась на грудь, матушка вздрагивала и снова начинала молиться. «Были прежде подвижницы,— говорила она,— которые подвязывали свои косы к потолку. Сон их борет, а волосы не дают голове упасть. А у меня коса маленькая, не за что привязывать. Вот, истинно! Сон меня мучает!»

Ела матушка однажды в сутки, но ела плотно. Пищу предпочитала протухшую и часто прятала в ризнице принесенный ей сестрами свежий обед, чтобы съесть его через несколько дней, когда он приобретет специфический запах и вкус. Часто по запаху я находила припрятанную ею пищу и выбрасывала ее, за что матушка на меня ворчала. Сестры беспокоились, как бы после такой трапезы матушка не заболела, но она продолжала есть испорченные обеды и оставалась здоровой. Матушка часто плакала и говорила: «Я и не надеюсь, что попаду в Царствие Небесное. Но мне хотя бы в щелочку, одним глазком посмотреть, как святые девы ходят на поклонение Господу».

В 1936 году, когда сестры покинули Николаевскую церковь, матушка уехала к себе на родину в Токмак. Там она и скончалась в начале 40-х годов.

Наверное, нет ничего удивительного в этих воспоминаниях о м. Дорофее. При жизни своей она мало чем выделялась среди прочих сестер, и сама ее жизнь не была внешне богата яркими событиями. Были ли ее монашеские подвиги исключительными? Теперь трудно об этом сказать,— может быть и так. Но в то время, время всеобщего страдания и бесконечной череды смертей, свидетельствующих кровью веру во Христа, подвижническая жизнь матушки не казалась нам из ряда вон выходящей. Но один факт, происшедший после ее кончины, заставил хотя бы в малых чертах рассказать о ней.

После ее смерти на церковь г. Токмака пришло письмо из Киево-Печерской лавры, в котором спрашивалось: «Жила ли в вашем городе монахиня по имени Дорофея, и когда, в какое время она умерла?» Священник Токмакской церкви показал письмо местным монахиням и те сказали ему день и час кончины матушки. Об этом было сообщено в Киев, и в следующем, пришедшим из Лавры письме говорилось, что в день и час смерти матери Дорофеи один из старцев Лавры видел, как душа ее была возносима Ангелами. Старец сказал: «В городе Токмаке скончалась великая подвижница монахиня Дорофея».

Мне же, по смерти ее, приснился удивительный сон: передо мной облако. Я ступаю на него и ощущаю необыкновенную легкость. Я вижу рядом с собой матушку Дорофею, от удивления я присела, хочу с ней заговорить, но она заговорила сама: «Настя, а ведь я не только в щелочку вижу, я сама со святыми девами утром и вечером хожу на поклонение Господу».

В 30-м или 31-м году пришел в Николаевскую церковь священник, служивший прежде на моей родине в селе Колпаковка (ныне поселок Дзержинск Талды-Курганской области). Звали его о.Иоанн Иващенко. Он был назначен в Колпаковку на место убитого большевиками в начале 20-х годов протоиерея Владимира Цидринского. Но и о. Иоанна вскоре арестовали, и вот, после пребывания в северных лагерях, он был приведен этапом на ссылку в Алма-Ату. Помню, зашел он в комнату — весь в пыли, одежда грязная, в латках. Это был скелет, обтянутый кожей, с выпуклым черепом на тонкой шее. Но я сразу узнала его, и мать Феодора узнала и табурет ему:

— Садитесь, батюшка.

— Нет, я не сяду. Дайте мне гребешок.

Дали ему гребешок, он вышел на улицу, и я за ним выскочила — что он будет делать с гребешком? Он пошел в среднюю аллею двора, остановился, стал расчесывать волосы и сбрасывать с гребешка на землю вшей. Так он и бороду вычесал и брови. Потом в церковь зашел и сказал:

— Ну вот, теперь можно и посидеть. У меня очень много насекомых, так я их немножко обобрал.

Мы позвали старосту, Шахворостова Георгия Васильевича. Он пошел по прихожанам, собрал для о. Иоанна одежду и обувь, повел его в санпропускник (в баню таких не допускали) и вымыл. Потом нам рассказал, что все тело батюшки было до костей изъедено насекомыми. О. Иоанна взяли на работу сторожем при какой-то организации. Дали ему чулан, в котором он мог жить. Он был очень истощенный, ночью дежурил, все остальное время лежал в чулане. Потом, помню, пришла в церковь женщина из морга и сказала:

— К нам попа привезли.

— Откуда вы знаете, что попа?

— У него на большой цепочке крест, как попы носят.

Мать Феодора пошла в морг и посмотрела. Это был о.Иоанн.

О.Виктор Поливанов его отпел, и матушки похоронили его на центральном кладбище.

Протоиерей Виктор Поливанов дожил до 1965 года. Болезнь, изнурявшая его многие годы, перешла в рак, и последние несколько лет он был прикован к постели. Рядом с ним по-прежнему была инокиня Параскева (Буханцова), которая ухаживала за умирающим священником. В его комнате, среди прочих икон, был список с находящейся в Никольском соборе иконы целителя Пантелеимона. О. Виктор всю жизнь чтил этого святого и икону его почитал как чудотворную. Находясь на одре болезни, он молитвенно обращался к великомученику, прося дать ему сил отслужить одну, последнюю литургию. Однажды, когда о. Виктору было особенно тяжело, в его комнату зашел юноша — очень молодой, кудрявый, с красивым лицом. Он был одет в белый халат, такой белый, что о. Виктор сразу обратил на это внимание.

«Наверное Паша вызвала мне врача»,— подумал о. Виктор. Врач подошел к постели батюшки, сел рядом на стул и, не говоря ни слова, опустил голову и положил на колени руки. «Какой он симпатичный!— думает о. Виктор,— такой молодой и уже врач! Ничего у меня не спрашивает, наверное размышляет, чем бы мне помочь».

Юноша посидел некоторое время, потом поднялся и прошел в соседнюю комнату. «Наверное, руки пошел помыть»,— подумал о. Виктор. Но прошло время, а врач не возвращался. О. Виктор позвал Пашу:

— Паша, где же доктор?

— Какой доктор?

— Он зашел в твою комнату вымыть руки.

— Нет, батюшка, ко мне никто не заходил, никакого доктора я не видела.

О.Виктор взглянул на икону целителя Пантелеимона и узнал в нем «врача», который только что его посетил.

— Пришел мой срок умирать,— сказал о.Виктор.— Богу не угодно продлить мне жизнь, и святой великомученник приходил утешить меня.

О.Виктор умер 1 мая 1965 года в день памяти своего ангела мученика Виктора. И ровно через год, 1 мая 1966 года, отошла ко Господу инокиня Параскева, увидев перед смертью ангела, принесшего ей букет прекрасных цветов от о. Виктора.

Завершая повествование о жизни Алма-атинской церкви в период 20—30 годов и стояния в вере ее подвижников, следует отдать долг памяти последнему святителю Алма-атинской кафедры, ставшему жертвой сталинских репрессий — высокопреосвященному архиепископу Тихону (Шарапову) и с ним пострадавшему духовенству.

Архиепископ Тихон родился в г. Туле в 1886 году. Получил высшее богословское образование. Был иеромонахом в Почаевской Лавре и редактором журнала «Русский инок». До революции служил в 177-й пехотной девизии Изборского полка. Октябрьская революция застала о. Тихона в Польше. Одно время был очень близок к митрополиту Киевскому и Галицкому Антонию (Храповицкому), с которым, будучи в сане иеромонаха, в 1919 году, в разгар гражданской войны на Украине находился в заключении в униатском Базилианском монастыре. Из-за границы приехал в Москву в январе 1925 года, где вошел в контакт с патриархом Тихоном и митрополитом Петром Крутицким. 9 мая 1925 года была совершена его хиротония во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии. Хиротонию совершал Святейший Патриарх Тихон и при вручении архиерейского жезла епископу Тихону (Шарапову) произнес такие слова: «Предстоящий тебе путь святительского служения в исключительно трудных условиях есть путь крестный и мученический. И, может быть, твое сердце трепещет и смущается! Благодать Святаго Духа и сила крестная укрепят тебя. Взирай на твердость мучеников Христовых и их примером воодушевляйся на предстоящий тебе подвиг». Слова Святейшего Патриарха были пророческими. С этого времени начались мытарства епископа Тихона по ссылкам и лагерям. В мае 1925 года он арестован и административно выслан из Гомеля. В конце того же года арестован и судим по ст. 58-10, приговорен к трем годам концлагерей. В 1927 году арестован и судим по ст. 58-10, заключен в Соловки на 3 года. В 1930 году судим по статье 58-10, сослан в северный край на 3 года. В 1931 году судим по ст. 58-10, приговорен к 3 годам концлагеря. В 1934 году митрополитом Сергием (Страгородским) направлен в Рязань, но вновь арестован и сослан в Самарканд.

Год возведения его в сан архиепископа неизвестен. В августе 1936 года назначен архиепископом Алма-атинским, но в управление епархией вступил только 17 января 1937 года. Служил во Введенской церкви, которую после закрытия Николаевской церкви передали для служения православному архиерею.

Об архиепископе Тихоне мы не имеем воспоминаний современников, и к данному повествованию о нем можно лишь добавить сведения, опубликованные в сборнике М.Е.Губонина «Патриарх Тихон и история Русской церковной смуты»*.

* Издательство «Сатис», С-Петербург, 1994.

Это повествование о «вещем сне», рассказанное в свое время М.Е.Губонину преосвященным Тихоном (Шараповым), епископом б.Гомельским: «Этот сон пригрезился ему в заключении, во время сна на нарах в камере Могилевского ГПУ. Позже, освободившись в Москве из заключения, Преосвященный изложил содержание этого сна на внутренней стороне переплета своего архиерейского Чиновника... Во второй половине 20-х гг. пишущий эти строки, состоя старшим иподиаконом сего святителя, многократно держал в руках этот Чиновник.

Вскоре после своей хиротонии (9(22).3.1925) владыка Тихон (Шарапов) появился во вверенной ему Гомельской епархии и повел там успешную войну против местных обновленцев. А так как это шло вразрез с интересами гражданской власти, то он вскоре же был арестован и, насидевшись в достаточной мере по провинциальным тюрьмам, препровожден этапным порядком в Москву — свалочное место для всех архиереев, не допускаемых Тучковым к управлению своими епархиями в целях обеспечения максимального успеха обновленцев в их программной деятельности по развалу Церкви на местах.

Итак, в Чиновнике было изложено следующее:

В молодости, во время проживания владыки в Почаевской лавре, у него был друг, из простецов, некий иеромонах о. Аркадий. К 1925 году, в связи с многолетним проживанием владыки за границей — в Германии, связь его с другом прервалась, в результате чего они надолго потеряли друг друга... Конечно, грустили и мечтали о встрече.

В самом начале 1925 года о. архимандрит Тихон (Шарапов) наконец вернулся на родину, где вскоре состоялась его архиерейская хиротония. За обычной суматохой и множеством дел, возникших в связи с его новым служебно-иерархическим положением, справок о своем старом друге на первых порах навести не удалось (как предполагалось). А затем весьма вскоре же состоялся его отъезд на епархию, закончившийся — как сказано выше — более чем печально как для него лично, так равно и для порученного ему церковного дела.

И вот в Могилеве, находясь в заключении в местном ГПУ, лежа в вынужденном бездействии на нарах, преосвященный Тихон (Шарапов) задремал. Во сне он увидел своего друга, иеромонаха отца Аркадия, причем в плачевном состоянии — где-то лежащим на койке при последнем издыхании; всякая помощь ему была бесполезна... Положение было трагичнейшим и беспомощным, так что горю владыки не было границ. И пока он метался в хлопотах, в поисках мер к спасению своего тяжко болящего и горячо любимого друга... о. Аркадий скончался.

Горю владыки, как оказалось, действительно не было предела, так как, проснувшись и с изумлением оглядевшись по сторонам, владыка почувствовал, что все его лицо было мокро от слез, и ряса, свернутая под головой вместо подушки, также влажна: пропитана слезами.

Проснувшись, он долго не мог прийти в себя, и слезы продолжали по-прежнему лить из глаз под влиянием только что виденного печального зрелища.

Позже, в Москве, вскоре после освобождения из заключения и дачи необходимой подписки о невыезде, преосвященный принял немедленные меры к тому, чтобы навести справки о своем давнем и далеком друге.

Справку навести удалось. Оказалось: в день «вещего сна» о. Аркадий скончался.

Впоследствии в память покойного своего друга владыка Тихон (Шарапов) при пострижении в мантию своего келейника Никандра Перепечко, в соборном храме Московского Богоявленского монастыря нарек его Аркадием».

И в Алма-Ату владыка Тихон приехал с тем самым о. Аркадием, бывшим к тому времени в сане архимандрита и также освободившимся из лагерей.

Архимандрит Аркадий (Перепечко Никандр Архипович) родился 30 октября 1900 года в Белоруссии в городе Быхове в крестьянской семье. С 1918 по 1922 год служил в качестве телеграфиста связи в 8-й западной батарее связи в городе Рославле. После окончания гражданской войны занимался с родителями крестьянским хозяйством до 1925 года, когда началось его служение Церкви Божией вместе с преосвященным Тихоном (Шараповым), епископом Гомельским. В 1928 году о.Аркадий был арестован и до 1934 года отбывал ссылку в Казахстане, где в городе Кустанае произошло его знакомство с находившимся на той же ссылке протоиереем Киприаном Соловьевым, с которым в последующее время вел переписку.

Протоиерей Киприан Соловьев родился в 1879 году в селе Бондари Черниговской области в семье учителя. Закончил Киевскую академию и преподавал в Черниговской семинарии. Перед Октябрьской революцией принял священный сан. В 1917 году назначен приходским священником церкви села Холопкова Глуховского уезда. Был одарен музыкальными способностями — прекрасно пел и играл на скрипке. Имел талант проповедника, за который при посещении своем, будучи еще мирянином, о.Иоанна Кронштадтского, был назван последним «Киприаном-Златоустом». В селе Холопково о.Киприан организовал молодежный церковный хор. Как добрый пастырь, имел огромный авторитет среди односельчан. В марте 1927 года против него возбуждено уголовное дело за «агитацию против общественного строя». В обвинение входило, в частности, то, что о. Киприан организовал детский хор, что «...противостояло в селе пионерскому движению». Хор был ликвидирован. В мае 1927 года дело было прекращено из-за отсутствия достаточного состава преступления. В этом же году вновь возбуждено дело, и о. Киприан 23 сентября 1927 года осужден к трем годам ссылки в Казахстан. трехлетняя ссылка растянулась на 9 лет до 1936 года.

По воспоминаниям его дочери, Нины Киприановны Соловьевой, отчасти известны места его ссылок: село Журавлевка Кустанайской области, г.Бузулук Оренбургской области, г. Богородск Горьковской области, далее Туркмения, г. Мары. В 1936 году закончился срок его последней ссылки, и некоторое время о. Киприан служил в Ташкенте с епископом Лукой (Войно-Ясенецким). Но в Ташкенте семья о. Киприана голодала. Он получил письмо от архимандрита Аркадия, в котором последний приглашал о. Киприана в Алма-Ату. И в том же 1936 году о. Киприан приехал в Алма-Ату и стал служить во Введенской церкви с архиепископом Тихоном и архимандритом Аркадием.

Накануне праздника Преображения Господня, в ночь с 18-го на 19-е августа 1937 года в Алма-Ате были арестованы: архиепископ Тихон (Шарапов), архимандрит Аркадий (Перепечко), протоиерей Киприан Соловьев, иподиакон Николай Васильевич Нигородов, другой иподиакон Николай и староста Введенской церкви.

Архиепископ Тихон обвинялся в том, что «...в 1925 году завербован разведкой одного из кап. государств и переброшен на территорию СССР с заданиями шпионского характера. Собирал материал шпионского характера о развитии текстильной промышленности в Средней Азии и положении колхозов. В Алма-Ате организовал и возглавил антисоветскую монархическую повстанческую организацию церковников».

Архимандрит Аркадий обвиняется в том, что «...вел антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию руководителей ВКП(б) и Сов. правительства. Пропагандировал идеи монархизма. Террорист, был подготовлен Шараповым для непосредственного совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и Сов. правительства».

Протоиерей Киприан Соловьев — «ярый монархист, ведет монархическую агитацию среди населения, во время богослужения поминает царей и цариц. Совершает тайные богослужения, потихоньку крестит детей, даже взрослых». Обвиняется в том, что «вел монархическую агитацию среди населения и пропаганду против Конституции СССР».

Заседанием тройки УНКВД по Алма-Атинской области от 17 октября 1937 года архиепископ Тихон (Шарапов), архимандрит Аркадий (Перепечко), протоиерей Киприан Соловьев приговорены к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 10 ноября 1937 года.

На запрос родственников о проходившем по делу Шарапова иподиаконе Нигородове Николае Васильевиче в Министерство государственной безопасности дан ответ: «Умер в ссылке в 1941 году». Судьба остальных арестованных в ночь с 18 на 19 августа 1937 года не выявлена.

Об упомянутых в этом описании святителях можно добавить следующие сведения:

Епископ Лев (Черепанов) после ареста в 1929 году в Алма-Ате был в концлагере до 1933 года. После освобождения назначен на Ставропольскую кафедру и вновь арестован в 1934 году. Умер или расстрелян в городе Казалинске Кзыл-Ординской области около 1937 года.

Осужденный в 1929 году в Алма-Ате вместе с епископом Львом протоиерей Алексий Марковский был отправлен в концлагерь со своим младшим сыном 18-летним Александром Марковским, выполнявшим в церкви обязанности пономаря. Отец и сын из лагерей не вернулись. Судьба старосты Алексиевской церкви Евфимия Шпака неизвестна.

Архиепископ Подольский и Брацлавский Амвросий (Полянский) с 1923 по 1926 г. находился на Соловках. Был в числе епископов, подписавших в 1926 году «Памятную записку соловецких еписко-

пов». Умер в 1934 году от солнечных ожогов и желудочных заболеваний по дороге из Чимкента в отдаленное селение*. Из устных рассказов извест-

*Протопресвитер М.Польский. «Новые Мученики Российские», т.1, стр.180.

но, что владыка, облаченный в черную рясу, ехал по раскаленной солнцем степи на верблюде в сопровождении конвоя. Объявив привал, охрана дала команду: «Поп, слезай с верблюда!» Ответа не последовало — владыка был мертв.

Архиепископ Херсонский и Николаевский Прокопий (Титов) был судим в Одессе в начале 20-х годов, также в Томске, также в Камышине. С 1923 по 1926 г. находился в ссылке на Соловках. По свидетельству очевидцев, 28.5.1935 г. он был в Ташкенте с направлением в город Турткуль в сопровождении протоиерея Иоанна Скадовского. Расстрелян в 1937 году.

Архиепископ Молотовский и Соликамский Александр (Толстопятов) родился 4 ноября 1878 года в Москве в семье профессора Московского университета. В 1901 году окончил Кронштадтское морское инженерное училище и С.-Петербургскую консерваторию. С 1902 года — мичман, с 1905 года — лейтенант. В 1911 году окончил Михайловскую артиллерийскую академию. Преподавал физику, механику, высшую математику в военно-морском училище. В 1920 году имел звание капитана 2-го ранга. Плавал на судах «Якут», «Пересвет», «Диана», «Петр Великий». В 1920 году окончил Петроградский богословский институт.

В июне 1922 года, когда в Петрограде началось рассмотрение дела митрополита Вениамина и группы духовных лиц и мирян, привлеченных к ответственности по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей, Александр Толстопятов оказался среди обвиняемых на скамье подсудимых. Был приговорен к трем годам заключения. Срок отбывал в Петроградском исправительном доме.

В 1923 году пострижен в мантию и возведен в сан иеромонаха. В 1924 году арестован. Обвинялся в том, что «уговаривал монахов Александро-Невской лавры не платить квартирной платы». Допрашивали на броненосце «Потемкин». Осужден по ст. 58-10, выслан на Соловки на 2 года.

В 1928 году возведен в сан архимандрита. В этом же году арестован в Перми за антисоветскую агитацию. Осужден по статье 58-10 на 3 года заключения в концлагерь. Срок отбывал на Беломорканале. Освобожден досрочно через 2,5 года. По освобождении приехал в Москву, где 21 августа 1933 года был хиротонисан во епископа Алма-атинского митрополитом Сергием (Страгородским) в сослужении с митрополитом Новгородским Алексием (Симанским) и другими прибывшими в Москву архиереями.

О периоде служения епископа Александра (Толстопятова) на Алма-атинской кафедре Анастасия Нагибина вспоминает как о сложном и мало поддающемся логической оценке периоде Алма-атинской церкви. Откровенные отречения от Бога священнослужителей, деятельность в Алма-Ате обновленческого митрополитского управления, материальные хищения, совершаемые новым органом — «двадцаткой» Никольской церкви, резко усилившееся в 1934 году давление на Церковь «Союза воинствующих безбожников», проводившего в действие свой пятилетний план — вот условия, в которых начал служение епископ Александр.

Его прямодушие и крепкий морской характер, выработанная во флоте привычка повелительного обращения с подчиненными, вероятно, и делали его «грозным» в глазах алмаатинцев, привыкших к кроткому, утирающему слезы ссыльным епископу Герману (Вейнбергу).

Уголовное дело 09550 (архив КНБ Республики Казахстан) открывает некоторые стороны деятельности епископа Александра. Талантливый проповедник, имевший несокрушимую внутреннюю убежденность и силу слова, писатель-апологет и церковный историк, неустрашимый защитник православной веры, епископ Александр изменил свой жизненный путь и самоотверженно встал за штурвал церковного корабля в то самое время, когда совершалась ярая попытка его потопления.

Из протокола допроса следственного дела:

Епископ Александр:

— Литературной деятельностью я занимался еще будучи служителем культа. Мною написан целый ряд трудов научного характера. Изложение религиозных вопросов я начал с 1926 года, будучи в ссылке в Нижнем Новгороде. В этот период я написал «Научное обоснование Библейского сказания о сотворении мира», «Схему истории Вселенских соборов», «Православное богослужение», «Христос как историческая личность» (работы изъяты при обыске).

Следователь:

— Какие цели преследовали, излагая и перерабатывая легенды?

Епископ Александр:

— На литературно-духовную работу меня толкнула моя любовь к религии и науке.

Следователь:

— На указанных страницах Вы вступаете в борьбу с материализмом, называете материалистов «обманщиками», своими «врагами» и т.д. Признаете ли Вы, что Ваши литературные произведения носили к/р характер?

Епископ Александр:

— Я признаю, что мои произведения не согласуются с материалистическими мировоззренческими взглядами, но это не значит, что они контрреволюционны.

Следователь:

— Революционная теория основана на материализме. Не считаете ли Вы, что выступление против материализма есть выступление против революционной теории, т.е. по существу к/р выступление?

Епископ Александр:

— Я признаю, что мои литературные труды носят к/р характер, т.к. направлены против революционной теории материализма. Но это мои личные взгляды, излагал я их в целях своего личного удовлетворения. Я не надеялся, что книги мои будут изданы при существующем строе. Произведения показывал служителям алтаря как людям компетентным. Желание утвердить, поддержать веру заставило меня перейти на церковную службу, то же самое заставило выступить с литературными трудами.

Из свидетельских показаний:

«... 17 декабря 1935 г. еп. Александр говорил приближенным к нему монахам и монахиням: «Гонение на христиан и на Церковь — явление временное: Существующей ныне власти дано время мучить верующих — чад Христовых, но этому будет конец в недалеком будущем»; «... Толстопятов разоблачал с амвона шпионство прихожан»; «... 8 марта 1936 года Толстопятов выступил с проповедью, в

которой призывал к изгнанию из рядов верующих «предателей» Церкви, призывал к активной борьбе с безбожниками»; «... Толстопятов выступал против учения Дарвина в труде «Научное обоснование Библейского сказания о сотворении мира»; «... о закрытии Никольской церкви говорил, как о деле осквернения святыни руками безбожников»; «... в проповеди о Кресте перед закрытием церкви говорил, что свой Крест мы должны нести безропотно, поражая им безбожие».

Епископ Александр проходил также по следственному делу монахов* — иеромонаха Пахомия (Русина), иеромонаха Макария (Ермоленко) — бывшего насельника Оптиной Пустыни, странника Виктора Матвеева, монахини Магдалины (Хахулиной), инокинь Татьяны (Халиной) и Александры (Нагибиной), живших до 1936 года в алма-атинских горах. Владыка совершил недельный поход, посещая тайные скиты и беседуя с местными пустынниками, высказывая при этом желание самому оставаться в горах и вести пустынный образ жизни.

*Архив КНБ Республики Казахстан, дело №09955.

Из показаний инокини Феодоры:

«Епископ Александр одобрял нашу жизнь в горах и беседовал с нами о жизни святых отцов в старину. «В настоящее время,— говорил он,— народ меньше верует в Бога и наша жизнь мало чем похожа на жизнь святых отцов». О жизни монахов сказал, что путь их верен, они, как святые отцы в старину, поддерживают факел веры».

Одновременно с епископом Александром привлечен к уголовной ответственности священник Никольской церкви Алма-Аты Мельников Иван Афанасьевич.

О. Иоанн родился в 1895 году в селе Малый Ус Пермской губернии в крестьянской семье. Служение Церкви начал в 1918 году. В 1924 году судим по ст. 58-10, в 1932 году вновь судим по этой же статье, приговорен к 3-м годам ссылки, которую провел в Нарыне. В 1935 году о. Иоанн из Нарына прибыл в Алма-Ату. Свидетелем по делу проходит его сестра Мельникова Мария Афанасьевна, принявшая монашество в 16-летнем возрасте. Вероятно, эти люди были близки епископу Александру, поскольку монахиня Мария неизменно следовала за владыкой, помогая ему и своему брату в лагерях и ссылках.

Обвинительное заключение:

«Проведенным следствием по делу к/р группы монахов и а/с хищнической группы церковников-тихоновцев Никольской церкви установлено, что практическое руководство и установки в к/р деятельности указанным группам давались епископом Толстопятовым. После революции бывший морской офицер царского флота Толстопятов переходит на церковную службу с целью «укрепления» церкви, причем в программу «укрепления» входила пропаганда к/р религиозных идей и активная борьба с материализмом как основой революционной теории. Сконцентрировал вокруг себя контрреволюционеров, преимущественно монашествующий элемент».

«Мельников Иван Афанасьевич являлся соучастником к/р деятельности Толстопятова, вел систематическую к/р агитацию.

Особым совещанием тройки при НКВД СССР от 3 сентября 1936 года Толстопятов А.М. приговаривается к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 3 года.

Мельников И.А. к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет.

В 1943 году, после прошедшей 4 сентября в Кремле исторической беседы Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, митрополита Ленинградского Алексия и митрополита Киевского Николая с Председателем Совнаркома Сталиным и заместителем Главы Правительства Молотовым, епископ Александр (Толстопятов) вместе с некоторыми другими архиереями был досрочно освобожден из концлагеря, доставлен в Москву и 8 сентября участвовал на Архиерейском соборе при избрании митрополита Сергия во Всероссийского Патриарха.

В этом же году епископ Александр был назначен епископом Молотовским. 26 января 1944 года епископом Молотовским и Соликамским. 22 февраля 1945 года «во внимание к архипастырским трудам и за патриотическую деятельность» возведен в сан архиепископа. Скончался 26 сентября 1945 года, погребен в городе Молотове.

Перечень рукописей еп. Александра (Толстопятова), изъятых при обыске в 1936 году в Алма-Ате:

1. «История раскола в Русской Церкви».
2. «История Церкви».
3. «Научное обоснование библейского сказания о сотворении мира».
4. «Иисус Христос как историческая личность».
5. «Беспричинная тоска».
6. «Творение мира».
7. «Пояснительная записка к схеме истории Вселенских соборов».
8. «Православное богослужение».
9. «Путь ко спасению».

Из документов архива КНБ Республики Казахстан, д. №235771:

Справка. Арестованный Пономарев Степан Константинович переведен в Красный Крест в тифозный барак 9/1—1933 г. по случаю заболевания сыпным тифом.

Справка. Арестованный Григорьев Филипп Михайлович переведен в Красный Крест в тифозный барак 11/1—1933 г. по случаю заболевания сыпным тифом.

Сравка. Арестованный Скальский Александр Филимонович переведен в Красный Крест в тифозный барак 13/1—1933 г. по случаю заболевания сыпным тифом.

Дело №235771 т.2
Свидетельство о смерти №386
Алма-Атинский гор. отдел ЗАГС.
3/1—1933 г.
Григорьев Филипп умер 1933 г. 16 января. Алма-Ата. 62 года. Сыпной тиф.

Свидетельство о смерти №389
Алма-Атинский гор. отдел ЗАГС
23/1—1933 г.
Пономарев Степан умер 1933 г. 19 января Алма-Ата. 55 лет. Сыпной тиф.

Свидетельство о смерти №630
Алма-Атинский гор. отдел ЗАГС
4/11—1933 г.
Скальский Александр умер 1933 г. 1 февраля Алма-Ата. 66 лет. Сыпной тиф.